

Глаголь добро есть

Сохранить «Великое русское слово» — вдохновенный призыв Анны Ахматовой, прозвучавший в годы военных испытаний, сегодня вновь актуален. Угрожающая растущая неграмотность, засилье бластной «фени», иноязычная лексическая агрессия, слабость великого и могучего в качестве «мягкой силы», его откат на третьи роли в мировой науке... Этим и другим проблемам мы посвятили круглый стол, который состоялся накануне Дня славянской письменности и культуры, отмечаемого 24 мая.

Елена Ямпольская:
«Не хотят деятели культуры ходить строем — и не надо»

Ксения ПОЗДНЯКОВА, Алексей ЗВЕРЕВ

О «суровости» Елены Ямпольской, нынешней главы думского Комитета по культуре, ходят легенды. Однако как сторонники, так и противники Ямпольской сходятся в одном: за десять месяцев, что она руководит профильным комитетом нижней палаты парламента, он превратился в реальное место для дискуссий. Именно на этой площадке сегодня обсуждаются и решаются самые острые вопросы культурной повестки. Обозреватели нашей газеты не могли остаться в стороне. Разговор получился долгим и откровенным.

Трудности передержки

Наталья МАКАРОВА

Приближается пора летних отпусков, и владельцы домашних животных уже думают, куда на время своего отсутствия пристроить питомцев. Все более популярным выходом становятся зооюанни и зоогостиницы. Они обещают круглосуточное наблюдение, расчесывания, поглаживания, даже маникюр — да что закажете! Однако самые легкодоступные и дешевые варианты, скорее всего, окажутся незаконными, более того, своего любимца вы потом можете просто не узнать. Как отдать животное в добрые руки, а не в ежовые рукавицы, выяснила «Культура».

— Уже несколько дней Боня ведет себя агрессивно, царапается, кусается, хотя раньше был очень ласковым, — жалуется Ольга. Собираясь в отпуск, она пристроила любимого кота в частную передержку, найденную по запросу в интернете. Листая ленту объявлений, девушка остановила выбор на Марине — владелице трехкомнатной квартиры, где временно, за двести рублей в сутки, обитают животные.

Черным по белым

Елена ФЕДОРЕНКО

Премьера «Бега» Михаила Булгакова восстановила историческую справедливость — в МХТ имени Чехова впервые поставлена пьеса, написанная для сцены в Камергерском переулке 90 лет назад.

Булгаковская тема для Сергея Женовача — глубоко личная, выстраданная, история с продолжением. В афише Студии театрального искусства — «Записки покойника» и «Мастер и Маргарита». Раньше, когда режиссер еще скитался по чужим театральным домам, появилась его «Белая гвардия» в Художественном. Возглавив МХТ, Сергей Женовач объявил «Бег» своей первой работой не случайно — судьба накрепко связала знаменитую труппу и великого драматурга.

Борис Клюев:
«Вторых лордов и третьих полицейских я переиграл достаточно»

Виктория ПЕШКОВА

Для народного артиста России Бориса Клюева нынешний сезон отмечен двойным юбилеем — из 75 прожитых лет 50 отдано родному Малому театру. Широкий актерский диапазон, помноженный на мощную харизму и невероятное обаяние, обеспечил ему неугасающую зрительскую любовь. Приближающийся юбилей

артиста, как водится, встречает новой знаковой ролью. На сей раз — Маттиаса Клаузена в драме Герхарта Гауптмана «Перед заходом солнца». Герой, беря пример со своего кумира — императора Марка Аврелия, следует завету: «Не смерти должен бояться человек, а должен бояться не начать жить». В плотном графике актера нашлось время для встречи с корреспондентом «Культуры».

От Рады до зрады
Старикам здесь место
Будет и на нашей улице
песня
«Авторское право»

ГОРЫ —
ЭТО У НИХ
СЕМЕЙНОЕ
Музей Рерихов
на ВДНХ

МЕДВЕДЬ
НА ОПЕРУ
НАСТУПИЛ
«Онегин»
Евгения Арье
в Большом

КСЕНИЯ
ДУДНИКОВА:
«Если держать голос
в форме, можно петь
девочек хоть
до пятидесяти»

16 плюс

ISSN 1562-0379

9 771562 037001

19018

Прозрачная победа

Алексей КОЛЕНСКИЙ

Подвел итоги XV Севастопольский международный фестиваль документальных фильмов и телевизионных программ «Победили вместе».

Гран-при смотря завоевал грузинский «Прозрачный мир» Вахтанга Кунцзева-Габашвили — скромное семейное видео, а по сути — гимн родительской любви, рассказывающий об альтернативно одаренном юноше и отце, помогающем открыться овладеть мастерством фотохудожника.

Лучшей полнометражной лентой признана хорватская «Сербка» Небойши Слиепчича — фильм-покаяние, реконструирующий обстоятельства линчевания загребских подростков в 91-м году.

Не разминулась с наградой и самая спорная фестивальная лента — румынская короткометражка Раду Жуде «Две казни маршала», представляющая монтаж хроникальной и постановочной версий казни фашистского прихвостня Антонеску.

Жюри под председательством Юсупа Разыкова оценило операторское мастерство Юрия Ермолина в ленте «Отец Байкал». Марина Мария Мельник раскрыла образ скульптора Даши Намдакова, создающего главное произведение жизни и надеющегося привлечь внимание к экологической катастрофе крупнейшего озера мира.

«Прозрачный мир»

В Национальном конкурсе судьбу участников решало жюри, возглавляемое режиссером Сергеем Дебижевым. Первый приз имени Владислава Микоши вручили донбасской фреске «Своя республика» Алены Полуниной о боевых буднях ополченцев ДНР.

Награду за лучшую режиссерскую работу имени Игоря Шадхана присудили «Свидетель любви» Натальи Гугуевой. Лента основана на воспомина-

ниях потомков исповедников, расстрелянных на Буговском полигоне. Режиссер также одержала верх на питчинге проектов и получила грант на создание третьей части патриотической эпопеи «Двойной форсаж».

Премией имени Анатолия Головини отметили «Последних Робинзонов Охотского моря» Светланы Быченко, раскрывшей подоплеку конфликта поморских анахоретов — зрителя маяка и четы метеоро-

логов. Специальный приз оргкомитета получили «Корабли Крымской весны» Марии Раздорской, исследовавшей драматические перипетии раздела Черноморского флота.

Жюри Международного конкурса киношкол во главе с журналистом Виталием Третьяковым признало лучшим фильмом армянскую фреску «С ветром» Артура Саакяна, посвященную трудным будням рыбаков Севана, а лучшим режиссером — словачку Лучию Кашову, поднимающую в «Конкретных временах» проблему тотального отчуждения современников.

Судьбу участников Телевизионного конкурса документальных фильмов определило жюри под руководством режиссера Александра Стефановича.

Лучший телевизионный документальный фильм — «Несовершенный нарком» Иннокентия Иванова — портрет легендарного советского адмирала Николая Кузнецова, заложившего основы современного военного судостроения.

Приз имени Джеммы Фирсовой за лучший фильм на социально-философскую тему достался «Истории Молдовы» Натальи Анисимовой и Елены Пахомовой — впечатляющей реконструкции событий, происходивших на территории республики с доисторических времен.

Приз программы «Военная тайна» за лучший фильм, посвященный отечественной истории, вручили «Солдатам спорта» Геннадия Каюмова и Екатерины Толдоновой, воспевших победы советской сборной на финской Олимпиаде 1952 года. Приз имени Святослава Бэлзы за лучший телефильм о культуре заслужила «Экспозиция войны» Владимира Сидоренко, посвященная фронтовым кинооператорам Великой Отечественной. Лучший телефильм-портрет — «Дмитрий Менделеев. Заветные мысли» Андрея Судилова — представил личность ученого и мыслителя в образе обуреваемого страстями гения.

Выдающимся документальным сериалом признали чешский «Мой век» Теодоры Ремундовой — мозаику воспоминаний двадцати пяти столетних стариков на фоне исторической хроники минувшего века.

«Сербка»

«Отец Байкал»

Невероятно, но факт

Ксения ВОРОТЫНЦЕВА

Вышел в свет первый в этом году номер журнала «Русское искусство». Нынешний выпуск, озаглавленный «Очевидное — невероятное», посвящен открытиям, редкостям, неожиданным атрибуциям и забытым именам.

Казалось бы, в истории искусства все меньше белых пятен. Технологии совершенствуются, архивы изучаются, художники, по воле случая выпавшие из публичного поля, появляются в энциклопедиях. Однако загадок по-прежнему немало. Главный редактор Елена Бехтиева беседует с Татьяной Юденковой, куратором ретроспективы Репина в Третьяковке. Выставка по-новому представляет творчество классика: в частности, многое о жизни и темпераменте мастера могут рассказать его портреты. Елена Кирилина, работавшая научным руководителем Музея-усадьбы Репина «Пенаты», остановилась на малоизвестных — пушкинских — работах мастера. Сам мэтр высоко ценил полотно «Пушкин в Лицее», однако по просьбе члена Лицейского сообщества сделал еще один вариант, отодвинув фигуру юного поэта в глубину зала, а заодно более детально изобразив интерьер. Куда менее доволен художник был другой картиной — «Пушкин на берегу Невы», которую впоследствии переписал. Его «пушкиниана» вызвала и похвалу, и острую критику: автор обвиняли в пошлости, анекдотичности. В 1912 году члены Общества имени А.И. Куинджи решили выступить против «декадентов» и присудили Репину первую премию и золотую медаль, однако Илья Ефимович отказался от награды.

Искусствовед Станислав Кузнецов рассказывает о еще одной картине классика, вызвавшей споры: «В атаку с сестрой», посвященной подвигу сестры милосердия Риммы Ивановой во время Первой мировой. После гибели командира и офицеров она повела за собой солдат, получив смертельные ранения. Репин редко обращался к батальной жанру. Правда, современники встретили работу прохладно: автора упрекали в «ура-патриотизме». После смерти мэтра произведение попало в частную коллекцию за рубежом и надолго исчезло из публичного пространства. Впрочем, открытия связаны не только с творчеством Репина. Елена Теркель, заведующая отделом рукописей Государственной Третьяковской галереи, обратилась к малоизвестным и нетипичным творениям русских мастеров. Так, нежная «Японка» в мирском стилистическом стиле вышла из-под кисти сурового баталиста Василия Верещагина. А эстет Лев Бакст создал такую «производственную» работу, как «Кузнец». Сергей Алексеев, старший научный сотрудник отдела живописи XVIII — первой половины XIX века Государственного Русского музея, посвятил материал переатрибуции портрета Карла Брюллова. Некая Ульяна М. Смирнова, изображенная «Великим Карлом», по последним данным, оказалась великой княжной Александрой Николаевной, дочерью Николая I.

Александр Горюнов, художник-реставратор высшей категории Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. академика И.Э. Грабаря, доказывает, что расписные «небеса» из часовни Тихвинской иконы Божией Матери деревни Хвалинская, скорее всего, были выполнены везжим мастером, обучавшимся в одной из итальянских школ. Имя искусника, а также причины его поездки на Русский Север, пока остаются неизвестными. Более удачливыми оказа-

РУССКОЕ ИСКУССТВО

лись исследователи, пытавшиеся атрибутировать скульптуру петербургского завода братьев Корниловых. Светлана Юркова, научный сотрудник отдела керамики и стекла Государственного музея керамики и «Усадьбы Кусково XVIII века», опи-

сывает процесс поисков: удалось установить, что «Кулачный боец», как ранее именовалась фигурка, на самом деле является «Разносчиком». Графическим источником, вероятно, послужила литография «Булочник» 1826 года. А коллекционер и журналист Дмитрий Поликарпов обнаружил на попавшем к нему в руки первом томе журнала «Мир искусства» золототисненый суперэскиз-брис. Оказалось, что это книжный знак рано ушедшего из жизни цесаревича Георгия Александровича, брата Николая II.

Читателям предлагается также рассказ об «обманках», созданных русскими художниками, о памятниках эфипского христианского искусства, о керамических шедеврах советского классика Александра Филиппова. А заодно о случаях, в раследовании которых точку ставить пока рано. Так, искусствоведа Владимир Васильев, представлявший журнал в Санкт-Петербурге, не теряет надежды узнать творческую биографию художника В.Д. Торгованова, чьи картины однажды попали ему в руки. Усилиями эксперта удалось выпустить документальный фильм о забытом советском импрессионисте и даже провести его выставку. Только вот инициалы никак не поддавались расшифровке — никто из тех, кто знал мастера, не мог вспомнить его имя. Когда верстался номер, поступила новая информация о живописце: вероятно, его звали Вениамин Дмитриевич. Однако эта версия, как и вся судьба Торгованова, требует дальнейшего изучения.

В Международный день музеев в Александровском саду стартовала программа «Военные оркестры в парках», которую уже в четвертый раз проводит Дирекция фестивалей «Спасская башня» при поддержке Минобороны РФ и Правительства Москвы. У стен Кремля выступили оркестр суворовцев Московского военно-музыкального училища им. генерал-лейтенанта В.М. Халилова, Военный образцовый оркестр Почетного караула и Центральный концертный образцовый оркестр Военно-Морского Флота им. Н.А. Римского-Корсакова. Прозвучали различные композиции — от классики до джаза.

КУЛЬТУРА
Духовно-просветительский портал

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская
Шеф-редактор: Алексей Зверев
Руководитель направления «Литература и искусство»: Ксения Позднякова
Ответственный секретарь: Александр Курганов
Дизайнер: Наталья Вайнштейн

Учредитель: Акционерное общество «Редакция газеты «Культура»
Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС77-41708 от 18.08.2010 г.

Подписные индексы:
В каталоге «Почта России» П2043 (на 6 месяцев);
В каталоге «Пресса России» 50126 (на 6 месяцев);

Адрес редакции: 127055, Москва, ул. Новослободская, д. 73, стр. 1
Телефоны для справок: +7 (495) 662-7222
e-mail: info@portal-kultura.ru
Печать и распространение: +7 (495) 602-5512

Газета распространяется в России (включая Республику Крым и Севастополь), Беларуси, Киргизии, Приднестровской Молдавской Республике, Таджикистане
Общий тираж 40 155

Отпечатано в ОАО «Московская газетная типография»
123995 г. Москва, ул. 1905 года, дом 7, стр. 1. Заказ № 0600
Подписано в печать 23 мая 2019 г., по графику: 19.00, фактически: 18.00

ВСЕРОССИЙСКАЯ ДЕКАДА ПОДПИСКИ

С 16 по 26 мая 2019 года ФГУП «Почта России» проводит Всероссийскую декаду подписки на 2-е полугодие 2019 года во всех почтовых отделениях Российской Федерации.

Только в этот период можно подписаться на газету «Культура» на 2-е полугодие 2019 года по льготной цене:

- скидку в размере 20% от каталожной цены предоставляет Редакция;
- скидку в размере 10% на почтовые услуги предоставляет «Почта России»;
- кроме этого, дополнительную скидку на почтовые услуги газета «Культура» получает как социально значимое издание.

Приглашаем всех оформить подписку на льготных условиях (*)
(*) информацию о подписных ценах для Вашего региона можно получить у сотрудников почты

Подписные индексы на период проведения Декады подписки в каталогах:

«Почта России» П2043 (на 6 месяцев),	«Пресса России» 50126 (на 6 месяцев)
---	---

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ МОСКВЫ
Подписка с получением газеты в редакции (без доставки на дом) по цене 50 рублей за 1 месяц.
Оплатить подписку необходимо через банк, квитанция на оплату находится по адресу: ул. Новослободская, дом 73, стр. 1.
Телефон отдела подписки: +7 (495) 662 72 22, доб. 1

БОЛЬШОЙ ЗАЛ

ЧАЙКОВСКИЙ
ТАНЕЕВ
СВИРИДОВ

АКАДЕМИЧЕСКИЙ УОР
НИКОЛАЕВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

Мирза АСКЕРОВ

Борис СТАЦЕНКО
Тамара КЛИВАДЕНКО
Симфонический оркестр
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Тимофей Мавзин
Сергей Дуркин

Справка «КУЛЬТУРЫ»

С проблемой защиты родного языка от «англоязычной агрессии» столкнулись в конце XX века многие страны. Известно, что во Франции действует довольно строгий закон о франкофонии, именуемый «законом Фубона». Согласно документу, в государственных СМИ и в целом в публичном пространстве, например на вывесках, в объявлениях, размещенных в транспорте, строго ограничено употребление английских терминов. Особые комиссии выработали аналоги даже таких, вроде бы ставших международными, понятий, как «компьютер» — ordinateur. За нарушение можно схлопотать крупный штраф и получить тюремный срок. Активно, хотя и с переменным успехом, борются там и с «франгле» — то есть франко-английским суржиком.

Андрей САМОХИН

1 Когда-то наш великий ученый Михаил Ломоносов ввел в русскую научную терминологию слова «опыт», «предмет», «явление», «рудник», «маятник», «чертеж» и многие другие. В XIX столетии «казак», «самовар», «тройка», а в советское время «колхоз», «товарищ», «спутник» стали известными во всем мире. Но уже давно мы перестали ставить в воню «лексический товар», при этом зачастую становясь неразумными заемщиками чужих терминов и целых фраз. Дошло до того, что самому русскому языку грозит вытеснение английским из большой науки.

О защите русского языка у нас заговорили, как только осознали его одной из главных национальных скреп. Ломоносов, будучи последователем знаменитого немецкого энциклопедиста Христиана фон Вольфа, начавшего «германизацию» научной латыни, в свою очередь боролся за русификацию научных понятий и науки вообще — спасаясь от немецкого засилья. Хотя и не был языковым пуританом: часть терминов, не имевших короткого и ясного русского аналога, Михаил Васильевич полностью транслитерировал на великий и могучий, а также русифицировал, заставляя иностранное слово подчиняться законам родной грамматики и произношения.

В начале следующего века развернулась острая полемика между «шишковистами» и «карамзинистами». Первые упрекали вторых не только в широком употреблении галлицизмов, то есть заимствований из французского, на котором общалась тогдашняя знать, но и в изменении самого строя языка. И хотя адмирал, академик и государственный деятель Александр Шишков исторически вроде бы проиграл, иные мысли и выводы министра народного просвещения актуальны и сейчас: «Каждый народ имеет свой состав речей и свое сцепление понятий». Позже, вульгаризируясь, всяческие «жевузья», «адольтеры» и «атанде» с «комьяфотным» привкусом стали ярким признаком полуобразованных разночинцев.

Реформа орфографии большевиками и их же неумное словотворчество, метко окрещенное позже «новоязом», сильно разбавили русский. Однако он выжил, хотя и с определенными потерями.

Спрашивается: а сможет ли великий и могучий справиться с новой атакой? Ведь в мутном потоке, захлестывающем нашу устную и письменную речь, сплелась на сей раз не только волна терминологических и бытовых англицизмов, но и профессиональные жаргонизмы, блатная «феня», намеренное коверканье, вроде «олабанского языка», и, наконец, просто — угрожающая растущая неграмотность и примитивизация. На этом фоне настоящих набавных колоколов прозвучали заявления представителей естественнонаучных дисциплин, констатирующих вытеснение русского языка из научного обихода, поскольку статьи в индексируемых журналах приходится переводить или сразу писать на английском. А от количества таких публикаций зависит зарплата научных работников...

Итак, нуждается ли сегодня русский язык в государственной защите? От чего и как его надо защищать? Служит ли он по-прежнему важным инструментом «мягкой силы» России за рубежом?

Меняем калоши на мокроступы?

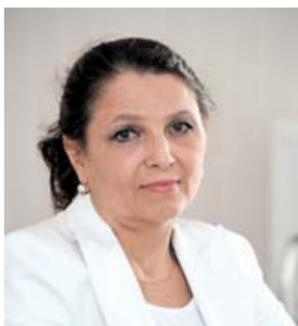
— Я только что приехал с книжной ярмарки в Салониках — родины Кирилла и Мефодия, — начинает Юрий Нечипоренко. — Мало где с такой чуткостью и любовью относятся к нашему языку: не только представители общины соотечественников, но и русскоязычные греки, приехавшие из России. В их семьях следят, чтобы дети знали кроме греческого и русский. Зачем? Как важный вход в большую культуру и, представьте себе, науку. Ведь некоторые из этих детей хотят стать именно учеными и лучше понимают русских коллег. А у нас, наоборот, в разгаре «англомаания», что похоже на колони-

Глаголь добро есть

Юрий НЕЧИПОРЕНКО, писатель, культуролог, доктор физико-математических наук, организатор Фестиваля детской книги в РГДБ

Светлана КОЛЕСНИКОВА, профессор кафедры русского языка Института филологии МПГУ, доктор филологических наук

Галина РИЗНИЧЕНКО, президент ассоциации «Женщины в науке и образовании», профессор биологического факультета МГУ, доктор физико-математических наук

Владимир ЛОСИЦКИЙ, генеральный директор Фонда поддержки детского технического творчества имени летчика-космонавта СССР А.А. Сереброва

зацію. Причем проблема эта не только в России, но и в других странах.

Почему во Франции так хорошо продвигается математика? Один из ответов очевиден: и во времена великого Пуанкаре, и сегодня эта наука развивается, используя французский понятийный аппарат, лексику. Именно это дает объемность взгляда, который невозможен на чужом наречии. Популяризация науки для детей и подростков тоже не работает без родного и при этом ясного и яркого языка. Вот недавно мы с Егором Егоровым написали для детей научно-популярную книгу по молекулярной биологии в «перельмановском» таком духе, которая называется «Живой дом». В ней для общепотребительных терминов, таких как ДНК-полимераза, мы придумывали простые «понятийные переводы» самой сути явления. Например, «перепиши» или «распорядитель». Это важная творческая работа для осмысления научных основ. Вообще, я считаю, ученый может творчески мыслить и излагать идеи только на родном языке, а на чужом — лишь имитировать творчество.

Спрашивается, как же быть с теми терминами из электроники, кибернетики, бизнеса, систем управления, прочих сфер, которые пришли к нам с Запада и не имеют речевого аналога? Нужно ли заменять «калоши» «мокроступами», как предлагал адмирал Шишков?

— Это нереально и не нужно, — отвечает Галина Ризниченко. — Наша наука должна развиваться на современном цивилизационном уровне. Но, во-первых, часто в научных текстах употребляются не ключевые иноязычные термины, а даже соединительные слова, выражения, которые вполне адекватно звучат по-русски. А происходит так оттого, что некоторые уже мыслят или делают вид, будто мыслят в «передовой» парадигме. Действительно, у нас наука в последнюю четверть века по многим направлениям отстала от мировой, создавшей и новый понятийный аппарат. Но глубокое заблуждение думать, что если мы все начнем писать и думать по-английски, то рванем вперед. Требуется качественные переводы зарубежных научных трудов с грамотной расшифровкой новых терминов. Тогда мы поймем, подобно Ломоносову, какие из них можно заменить русскими, а какие оставить. У меня в МГУ есть молодые коллеги-биофизики, которые в своих работах придумывают термины для новых открытий или явлений или закономерностей. Если этот термин начинают повторять в других работах, он становится общемировым достоянием. Но он не будет восприниматься как русский термин, если вся научная статья написана по-английски.

— Бояться заимствований как таковых не стоит, — дополняет Юрий Нечипоренко. — По крайней мере в научных трудах, в отличие от художественной литературы, они не режут глаз. Но вот беда: самих научных работ на русском сегодня выходит ничтожно мало. На недавней Пекинской книжной ярмарке на стенде издательства «Наука» лежало 20–30 книг. А рядом — огромные развалы крупнейшей западной научной издательства, сотни тысяч томов! И деда даже не в том, что в России нынче сузился фронт исследований и мало кто может написать приличную научную или научно-популярную книгу. Просто публикация статьи в солидном англоязычном журнале дает ученому больше «баллов» и денег, нежели несравнимый по трудоемкости выпуск книги. Мы стремительно теряем научную книжную культуру, уступаем системное научное знание другим.

Нет достижений — нет и слов
Что ж, придется констатировать: скудость русскоязычной научной словесности в данном случае лишь отражает объективную картину постсоветского провала отечественной научно-технической сферы.

— А откуда возьмутся новые научные и инженерные термины? — горючится Владимир Лоцицкий. — Ведь из нашей страны за эти годы не вышло в мир ни одного крупного открытия, ни одного значимого изобретения. Нет достижений — нет и слов. Поэтому мы и вынуждены подбирать определения с чужого стола. О чем говорить, когда в России не осталось научно-технических издательств? Вот немцы придумали в свое время измерительный инструмент штангенциркуль — многие в мире его так и называют. А мы первыми запустили искусственный спутник Земли, смастерили луноход, построили ледокол-атомоход, и эти слова стали нашей узнаваемой мировой маркой, нашей славой. Когда что-то опять сделаем, тогда и поговорим о русской языковой экспансии.

— Не стоит впадать в алармизм, или в панику (по более раннему заимствованному слову), — парирует Светлана Колесникова. — То, как мы мыслим, говорим и пишем, — отражение нашей культуры. Точнее, отражение носителей, но не самой системы русского языка, которая нам послана свыше. Русский обладает великой силой, он многообразен, сложен. Конечно, я говорю о том языке, на котором творили классики, а не об упрощенном лопатинском желтой прессе. Но в наших школах, да и во многих семьях уже, увы, перестали учить чтению, а значит, и пра-

вильному мышлению. В класс входят учителя с планшетами и смартфонами, и не показав ученикам красоты русского слова, начинают излагать предмет на том разговорно-бытовом наречии, к которому сами привыкли. Но это опять же низкая культура сегодняшнего дня.

При этом я убеждена: сама система нашего языка никогда не загрязнится заимствованиями и жаргонизмами. Мусор унесет ветром, а чистый источник будет продолжать бить из-под земли. Язык — он будто живое существо: может одеваться в разные, подчас странные одежды, брать на вооружение какие-то инструменты. Но то, что несвойственно его глубинной сути, отпадает. Также не приживутся бесполезные заимствования или, наоборот, попытки во что бы то ни стало заменить удачные иноязычные слова своими лексемами. Здесь ведь речь не только о смысле и удобстве, но и о благозвучности: некоторые звуко сочетания просто не уживаются в русском языке. Гоголь сказал: «Дивисься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок, все зернисто, крупно, как сам жемчуг».

Требуется господдержка!

Концепция профессионального филолога вызвала оживленную полемику собравшихся в редакции. Кое-кому она показалась слишком оптимистичной и идеалистической. В частности, указывали на то, что за органическим «оживлением» некоторых иностранных слов в ткань нашей словесности стояли немалые усилия ученых и писателей. Ну и, главное, были высказаны сомнения в невозможности малокультурных носителей исковеркать, испортить сам язык. Особенно если таких носителей становится критически много.

В связи с этим всплывает философский вопрос: а живет ли великий и могучий вне и даже вопреки его современным пользователям? Например, если на жаргоне начинают разговаривать не только подростки и маргиналы, а политики, публицисты, педагоги? То есть способен ли он, как в сейфе, сохраниться для будущих поколений лишь в прошлой нашей великой литературе? И не повторит ли он судьбу греческого собрата, который некогда разделился на древнегреческий литературный и разговорный — койне?

— Утрата, потеря или разделение языка пока нам точно не грозят, — уверена Светлана Колесникова. — Мощь русского языка огромна. Те, кто не занимается им профессионально, просто не понимают его общие закономерности как очень устойчивой и при этом гибкой системы.

— Как это не грозит?! — изумляется Юрий Нечипоренко. — Русский

язык вытесняется из науки, начиная со школьной и университетской скамьи. Ребята уже курсовые начинают писать на английском. А затем, что логично, отправляются прямоком за бугор. Это утка мозгов нового типа. Человечество вроде числится здесь, в РАН, но по сути работает во славу иных держав, хотя это и именуется пышно — «мировая наука». Нынешняя система прямоком толкает наших молодых ученых продавать свое первородство за стеклянные бусы в виде несчастных баллов рейтинга. Вы даже не представляете себе всей опасности этих процессов!..

— Да, — соглашается Светлана Колесникова, — это действительно беда. Но это, повторюсь, не проблема самого русского языка как системы, а особенности нынешней научной и государственной языковой политики, ее явные пробелы. Что мы видим в рекламе? Бежит ребенок и говорит: папа, у нас замечательная школа, учитель физкультуры преподает на английском языке. Такие вещи, конечно, нельзя допускать.

— Русский язык в научной сфере требует немедленной и решительной поддержки, — настаивает Галина Ризниченко. — Да, научный язык всегда содержал много терминов, заимствованных из греческого, латыни, немецкого, французского, а теперь — английского. Большинство органично вжилось в родную речь. Но сами тексты статей, учебники, материалы конференций просто обязаны быть на хорошем русском, чтобы способные ребята, которые еще есть в России, могли творить и мыслить в Родине. Это касается и технических вузов, и классических университетов. Должна быть господдержка русскоязычных научных журналов. Бездействие грозит гибелью самой науке: если все научные работники перейдут на английский, то что им здесь делать вообще?

За чистоту русского языка

Участники круглого стола с грустью констатировали, что сегодня дети не могут прочесть без словаря не только «Слово о полку Игореве», но уже и авторов XIX века. Один из собеседников привел пример, когда современная школьница запнулась при прочтении письма Жуковского Пушкину на слове «шелуха», гадая, что бы оно могло значить.

Снижение культурной планки в литературе и театре, назревающая потеря русского научного языка, деградация бытовой речи — все это звенья одной цепи. Мы живем в агрессивной информационной среде. Агрессия выражается в том числе в намеренном презрении к законам и красоте родного языка. Увы, это данность, как и

нарастающая дислексия новых поколений. Но вот кто именно должен противостоять валу языковой энтропии: государство, ученые, филологи, педагоги, родители?..

— Это зависит от маленького подвижка каждого родителя, который вечером, устав после работы, тем не менее откроет книгу и будет читать светлему ребенку, — разводит руками Светлана Колесникова. — И, конечно, от учителя словесности, его нравственных установок, подлинной педагогики, общей культуры.

— Не только язык, но вообще русский этнос столкнулся в конце прошлого века с физическим уменьшением, — размышляет Юрий Нечипоренко. — Само наше пространство стало сужаться. Вот уже несколько лет от нас пытаются с кровью и навсегда оторвать русскоязычную Украину. И нам приходится, с одной стороны, всматриваться вглубь себя, вглубь языка, находить там какие-то свежие источники творчества и вдохновения. А с другой стороны — искать новые формы влияния, взаимодействия с окружающим миром.

Если в сфере науки русский требует прямой государственной защиты, то в области детской литературы — огромной поддержки. К нам сегодня идет поток переводов зарубежных детских писателей, а от нас — практически ничего.

Мы перестали распространять в мире знания о нашей стране, хотя многие к ней тянутся. Я в Базеле общался с пожилыми людьми, которые объединились в сообщество для изучения русского языка, чтобы читать Достоевского в подлиннике. И таких в мире немало! Мне кажется, тут есть целое поле для работы государства и НКО.

— Наши учебники для школ и вузов по разным научным дисциплинам также переводились на многие языки, — дополняет Галина Ризниченко. — Они массово издавались и расходились за границы. А теперь, когда я встречаюсь с коллегами «оттуда», они вопрошают с горьким недоумением: «Почему вы перестали? Нам пришлось перейти на американские учебники, а в них совсем другой тип мышления, нам ближе — ваш».

Владимир Лоцицкий страстно подытоживает тему глобального русского языкового явления:

— В 1920-е годы наши слова и выражения разлетались по планете, как знамя освобождения народов. А в послевоенные сороковые Европа с благодарностью или по необходимости училась русскому от советского солдата. Тогда было создано очень много наших издательств, как политических, так и чисто технических, которые вплоть до поздней перестройки продавали русский вместе с нашей гражданской и военной техникой — в странах Варшавского блока, на Кубе, вообще в Южной Америке, в Африке, в арабском мире. Экспортное советское оборудование поставлялось с маркировкой и документацией на кириллице. И это была также победная русская экспансия. Язык не только Пушкина и Гоголя, но и Королева, Курчатова, Калашникова двигался вместе с нашими АЭС и ГЭС, его везли на КамАЗах и БелАЗах, он летел на «Ту» и «МиГах». Где взять теперь такие крылья?

Итак, современная Россия явно не использует свой не растраченный пока еще языковой потенциал влияния. Хотя как губка впитывает часто ради пустой моды всю словесную шелуху — от зарубежной до доморощенной. Не рискуем ли мы однажды получить свой «пиджин-раши» — пригодный для быта инструмент, с помощью которого аварец легко поймет немца, но никто из жителей нашей страны, включая самих русских, не сможет написать ничего даже близко похожего на «Антоновские яблоки»? Конечно, этот новый язык продолжит выполнять свою конституционную функцию, будучи «средством межнационального общения народов России». Но в нем не останется ничего от «живого великорусского языка», словарь которого составлял Владимир Даль.

Однозначных ответов, увы, нет. Однако поставленные вопросы вызывают сильную обеспокоенность как «физиков», так и «лириков», собравшихся в редакции «Культуры». Все высказалось за определенную государственную и общественную регуляцию употребления иноязычных слов. Особенно при намеренном коверканье русской речи — например, при сменении кириллицы и латиницы в названиях, произношении русских слов на манер английских.

Кроме того, по общему мнению, назрел национальный проект «За чистоту русского языка», возможно, даже требующий законодательного подкрепления. При этом собравшиеся отдают себе отчет в том, что одними запретами дело не поправишь. Резюмируя итоги разговора, участники круглого стола решили создать инициативный общественный комитет, который сформирует регулятивные и рекомендательные предложения по охране русского языка, а также по его продвижению в ближнем и дальнем зарубежье.

Елена Ямпольская:

«Не хотят деятели культуры ходить строем — и не надо»

«Минус, о котором говорят честно, превращается в плюс»

1 **культура:** Елена, Вы давно уже обещали нашей газете странное интервью, однако разговор откладывался. В апреле было не до того, поскольку Вы вели ожесточенную борьбу за изменения в закон о госзакупках, касающиеся культурной сферы. Теперь, когда 44-ФЗ, в том числе Вашими стараниями, радикально откорректирован, а спикер Госдумы Вячеслав Володин, подводя итоги месяца, особо отметил работу Комитета по культуре, жить стало легче?

Ямпольская: Разве что веселее. До завершения весенней сессии еще два месяца, и расслабляться не приходится. Ближайшие планы таковы: 27–28 мая проводим выездное заседание комитета на Псковщине, в Пушкинских Горах. 31 мая — очередной сбор нашего Общественного совета, повестка оглашена. 3 июня в составе делегации во главе с Вячеславом Викторовичем Володиным лечу в Белград, выступаю там по теме культурного сотрудничества России и Сербии. 5–6 июня принимаю участие в работе Уральского культурного форума. 7-го провожу прием граждан, своих челябинских избирателей. Ну, и уже начали готовить крутой стол по развитию народных художественных промыслов, он запланирован в Думе на 18 июня.

Из законодательных задач главная — внести в ГД законопроект об освобождении произведений литературы и искусства от возрастной маркировки. Мы эту тему ведем с осени 2018-го, сейчас пакет инициатив готов.

Надеюсь, в ближайшее время выйдем на второе чтение правительственного законопроекта «о борьбе с билетной мафией». Долго бились, доводили до ума вместе с театральным сообществом. Надо, чтобы с 1 сентября, к началу нового сезона, закон вступил в силу.

Наш, депутатский законопроект, позволяющий использовать нацистскую символику в произведениях искусства, а также в образовательных целях, чтобы ни режиссеры, ни ученые, ни издатели не ходили под статьей, должен встать на первое чтение в июне. Ко второму чтению хотим добавить туда музеи и реконструкторов.

В минувшую среду провели рабочее совещание по вопиющему случаю, когда у молодого скрипача-виртуоза в аэропорту Домодедово отобрали ценную скрипку, принадлежащую зарубежному фонду. Парня несколько часов допрашивали, едва не инкриминировали ему контрабанду, инструмент изъняли на экспертизу.

Николай Манагадзе — из семьи потомственных музыкантов, окончил ЦМШ, затем Парижскую консерваторию. Не живет в России постоянно, но стал приезжать на родину. Написал и исполнил сюиту, посвященную борцам с терроризмом в Сирии. Его никто не захотел вырывать. Скрипач не нужен. Сказали: сам виноват, бумажки неправильно заполнил. Мы выжили в суть, и выяснилось, что виноваты прежде всего различия между российским законом («О вывозе и ввозе культурных ценностей») и Таможенным кодексом ЕАЭС.

культура: И Вы решили Манагадзе защитить?

Ямпольская: Защитить — понятие растяжимое. Можно просто выйти под телекамеру, попиариться на чужом стрессе, и все. Мы хотим исключить подобные инциденты в дальнейшем. Совещание получилось тяжелым. Выяснилось, что представители Федеральной таможенной службы, Евразийской экономической комиссии, Министерства культуры трактуя одни и те же нормы по-разному. А это значит, что они плохо прописаны. Конкретных предложений ни от кого не поступило, будем выработать сами. Исходя из принципиальной позиции, что не люди для законов, а законы для людей.

культура: Все уже заметили, что комитет под Вашим руководством часто берет в работу реальные новостные поводы. В повестке заседания Общественного совета анонсирован вопрос о выдаче прокатных удостоверений на фильмы. Предлогом стала ситуация с «Братством» Павла Лунгина?

Ямпольская: Разумеется, но не только. Просто история «Братства» в очередной раз продемонстрировала отсутствие системного подхода к выдаче либо не выдаче прокатных удостоверений. На мой взгляд, условия надо максимально полно и прозрачно пропи-

С советником президента Владимиром Толстым на парламентских слушаниях по закону «О культуре». Март 2019

сать в федеральном законодательстве. Так всем станет проще жить — и прокатчикам, и чиновникам.

культура: Лунгин заявил, что «даже суровая председатель Комитета по культуре Елена Ямпольская фильм одобрила». Это правда?

Ямпольская: Во-первых, на тот момент, когда это высказывание Павла Семеновича попало в СМИ, я вообще картину не видела. Во-вторых, «одобрение» в данном контексте является прерогативой кинокритиков. Как председатель комитета я, скорее, не одобряю подобные методы работы с кинематографистами. Мы опять имеем дело с вкусовыми предпочтениями. Есть ветераны

боевых действий в Афганистане, которым кино понравилось, а есть ветераны, которым не понравилось. Вторые оказались громче, поэтому «Братство» пострадало. Его даже сняли с закрытия Московского международного кинофестиваля, аргументируя тем, что это не лучший фильм Лунгина. Как будто хоть в одной фестивальной программе бывают собраны лучшие фильмы всех режиссеров. При том, что замена политически, быть может, не очень корректного «Братства» на фильм о столь неоднозначной фигуре, как Михаил Горбачев, — это называется «шило на мыло». А если бы вышли митингующие против фильма о Горбачеве, то опять произвели бы замену?

Мы не умеем даже договариваться, а просто разговаривать друг с другом. Нынешнее противостояние между теми, кто по-разному видит афганскую кампанию, выявило боль, оставшуюся от советских времен. Мы этот гештальт не закрываем. Как только возникло ощущение боли, таблетками заглушили, отменили, не показали — в общем, сделали вид, будто ничего нет. Мы накапливаем подобные вещи, вместо того чтобы их проговаривать, учить людей принимать не только свою правду, но и правду другой стороны. Обиды копятся и время от времени вдруг прорываются уродливыми всполохами. В Советском Союзе было так же. Во многом именно это стубило страну, по которой, честно сказать, я каждый день тоскую...

Наше телевидение тратит прайм-тайм на то, чтобы обсуждать всякую ерунду. Но мы совершенно не поднимаем темы, которые заставили бы человека думать, искать истину, искать компромисс. Что, на мой взгляд, гораздо интереснее, чем делать тест ДНК. «Братство» вскрыло противостояние тридцатилетней давности. А его опять под ковриком замели и стыдливо прикрыли.

У меня с Лунгиным очно нет никаких отношений, а заочно они не очень хороши, потому что во время раздора

в Союзе кинематографистов мы поддерживали разные силы. Тем не менее, когда началась истерия вокруг «Братства», я сочла нужным ему позвонить и сказать, что, если могу быть полезной, пусть обращается. Когда человек попадает в явно несправедливую ситуацию, надо предложить помощь.

культура: По той же причине Вы в свое время поддержали «Матильду» Алексея Учителя?

Ямпольская: Да. Борьба против Учителя велась такими методами, что промолчать было просто невозможно.

культура: При этом для Вас не важно, что «Матильда» оказалась не самой удачной картиной?

В каждом законе должна быть установлена защита от дурака и от жулика — это базовая комплектация

Ямпольская: У нас, к сожалению, выходит много неудачных картин. Видели мы и похуже «Матильды». Если фильм не нарушает законодательство Российской Федерации, не содержит информации, запрещенной к распространению, то вопрос, выдавать ли ему прокатное удостоверение, бессмыслен. Вообще, когда дело идет к прокату, обсуждать нюансы и тонкости поздно. Надо подробнее вникать на стадии сценария, во время питчинга. В Фонде кино существуют то ли два, то ли три совета, которые призваны осуществлять фильтрацию, но при этом мы регулярно всплескиваем руками и говорим: ах, как же такое могло выйти на наши экраны?! Ключевой момент — когда замысел сформирован и претендует на финансирование. А потратить на «Братство» 160 миллионов бюджетных рублей, а потом на полном серьезе обсуждать, стоит ли выпускать его в прокат, так дела не делаются.

Мне искренне жаль, что на нашем телевидении нет чего-то подобного старой «Кинопанораме». Наши граждане имеют право знать, какие ленты снимаются, какие запускаются, над чем работают ведущие режиссеры, что за новые имена появились, вообще, что в отечественном кинематографе сейчас происходит. Если тебя допустили «на кухню», у тебя доверие к готовому блюду значительно выше.

А ведь главный дефицит современного российского общества — это дефицит доверия. Всех ко всем. Если бы в подобной передаче проговаривались смыслообразующие вещи — в связи с «Матильдой», в связи с «Братством», сходились бы эксперты с разных сторон, спорили, мы бы превратили точку раздора в точку роста. Минус, о котором говорят честно, превращается в плюс, поскольку становится переживанием нового эмоционального и интеллектуального опыта.

При этом я понимаю, что мечты остаются мечтами. Ради общественного

резонанса такую программу надо делать на одном из основных федеральных каналов. А потом при поддержке канала выйдет некий блокбастер, и все смыслы улетят в корзину, девять процентов эфирного времени обжуют потратить на рекламу...

культура: Если грамотно популяризировать отечественное кино, можно обойтись без квотирования?

Ямпольская: Квотируют по какому принципу? Существуют квоты на импорт, экранные квоты. Принято кивать на Францию, но там нет квотирования, оно продержалось совсем недолго. Французы используют другие способы поддержки национальной кинематографии, и этот опыт полезно изучить.

Я считаю: возможны любые меры, о которых договорится сообщество, то есть, проигрешная. Гораздо интереснее поставить перед собой новую задачу. Поймет молодой скрипач, что о нем и о таких, как он, в Госдуме позаботились — возможно, не произнесет тех слов, которые у него на языке вертятся. Ощутили музейщики и театралы, что удавка 44-ФЗ на шее ослабла, — сказали Государственной думе искреннее «спасибо». Это тоже политика, тоже идеология. Только в более филигранном исполнении.

Все-таки журналист, даже с искусствоведческим образованием, смотрит на культурный процесс снаружи. А полав внутрь, ты понимаешь, какие колесики в этом механизме цепляются друг за друга и приводят его в движение, а какие крутятся вхолостую. Хотя само по себе колесико производит чрезвычайно энергичное впечатление.

Я прагматик. Не люблю то, что не функционально. Не хотят деятели культуры ходить строем и скандировать утвержденные свше речевки — и не надо. Их задача — не маршрутировать, их задача — создавать такие, условно говоря, марши, под которые другим хочется жить, работать, детей любить, родителей беречь, природу жалеть, встречным улыбаться. Художник не должен быть самым нравственным, самым героическим. Зато он может создавать образы, исполненные нравственности, героизма, патриотизма и человечности.

Есть два варианта: либо можем пытаться навести в культуре идеальный порядок, чтобы они проводили дни в молитве и строевой подготовке, махали и улыбались, козыряли и приступали к исполнению. Но так не будет, хотя в теории все прекрасно. Либо мы признаем, что они такие, какие есть: иногда безалаберные, шептунные, лепят время от времени всякую ерунду, потому что дурное настроение, потому что не пишется, не играется, в аэропорту без очереди не пропустили... Но при этом многие из них способны заставить нас с вами смеяться и плакать. Это главное. И единственная претензия, которую мы вправе им предъявлять, — если качество и слез, и смеха оставляет желать лучшего.

Разумеется, меньше надо влезать в их личные распри, втягивать в это население. И без того вертикаль любви, столь важная для искусства, практически поругана. У меня все внутри кипит от негодования, когда обсасываются низменные, ничтожные сплетни про Шукшина, Высоцкого, Мордюкову, Зыкину, Магомаева... Эти люди судьбы для нас с вами сделали, что их судьбы надо охранять как культурное достояние. В свое время была такая эпитаграмма: «Уезжая на вокзал, Маршак Чуковского лобзал. А приехав на вокзал, «какая сволочь» он сказал. Вот какой рассеянный с улицы Басейной». Известно, что двух великих поэтов связывали очень непростые взаимоотношения. Кого это сейчас волнует? Тех, кто уже Бог весть в ка-

ком поколении читает детям, внукам и правнукам Маршака и Чуковского?.. **культура:** Ваши инициативы можно назвать либерализацией законодательства?

Ямпольская: Просто проявлением здравого смысла. Иначе мы начнем именовать либерализацией очистку тротуаров. Мы же облегчаем движение — значит, либерализация. Или все-таки государственный подход? То же самое здесь. Не работал закон о госзакупках в культуре и ей работать не давал. Поток идет, камень его останавливает, ты убираешь препятствие — все ясно и логично. Теперь надеюсь убрать камни возрастной маркировки для произведений литературы и искусства.

культура: Остаться строгим должно только ограничение 18+?

Ямпольская: По моим представлениям, да. Запретительное отсечение 18+, а все остальное, и уж тем более авторы, которые есть в школьной программе, причем я настаиваю, что авторы, а не отдельные произведения, должны быть очищены от цензур, кроме чисто рекомендательных. Пускай ребенок читает все, до чего дорос, и даже то, до чего не дорос. Главное, чтобы читал. Ведь он будет расти в самом процессе чтения. Что-то поймет сейчас, что-то западет в душу на будущее.

Мы постоянно говорим о прорывах в экономике. Но прорывы в мозгах начинаются с прорывов в мозгах. Когда тебе все интересно, когда ты хочешь знать больше, в том числе больше, чем твои сверстники.

Самый унылый тип экономического развития — производить то, что производят все. А самый перспективный — создавать новые технологии, наукоемкий продукт, за которым выстроятся в очередь другие страны, который позволит совершить рывок в промышленности, обороне и так далее. То есть можно вступать в конкуренцию на затоптанном поле, а можно — на неизведанном. Но если мы хотим, чтобы у нас выросли люди, которые не побоятся ступить на целину, так заборы-то давайте уберем для начала. Достаточно человеку три раза сказать: «До этого ты еще не дорос», и он уже вряд ли до чего-нибудь дорастет. Потому что нет — и не надо. Говорят «не читай!» — и не буду, тоже мне проблема. Это удивительно, но раньше детям говорили: «Читай! читай!», а теперь: «Не читай, не читай, не читай!». Если мы хотим прорывов, надо поменьше регламентировать. Силы бросать не на регламентацию, а на развитие.

культура: А если развитие пойдет не в ту сторону, в которую хотелось бы?

Ямпольская: Есть вариант сидеть и вообще не развиваться. Можно изо всех сил тормозить, упираться четырьмя лапами, тратя на это энергию и ресурсы. Опять-таки заборов понаставить и сказать: не будем за них вылаживать, там толерантность, либерализм и еще какие-то страшилки, а у нас тут тишь, гладь, благолепие, все с окладистыми бородами... Но это заповедник. Или гетто. Собираются звериного сервеза люди, ездят получать цацки от какой-то «матушки госуадрыни императрицы»... На все на это без слез смотреть невозможно.

«Политик в кроссовках ничуть не хуже политика с бантом»

культура: Вы ощущаете себя политиком? И что вкладываете в это понятие?

Ямпольская: Ох, это сложный вопрос. Настолько сложный, что, честно говоря, я стараюсь не слишком им заморачиваться. Понимаете, у меня никогда не было осознанной потребности в карьерном росте. Рост присутствовал, но как побочный результат той деятельности, в которую я душевно вкладывалась и которая была мне интересна. Это, наверное, не очень правильный подход для того, кто идет в политику.

Кроме того, я попала в Государственную думу взрослым, сложившимся человеком. У этого есть свои минусы и свои плюсы. Если бы это случилось лет на десять раньше, то, как всякий молодой организм, я проявляла бы большую гибкость и сильнее поддавалась влиянию. Сейчас уже вайе вайе сложно, потому что личность устоявшаяся, принципы жизненные понятны. Точно могу сказать: на меня не производят впечатления ни должности людей, ни количество лет, проведенных на одном месте, ни размеры капитала, ни система связей. Потому что, как справедливо замечено, никакие связи не могут сделать ножку маленькой, душу — большой, а сердце — справедливым.

Мы постоянно говорим о прорывах в экономике. Но прорывы в мозгах начинаются с прорывов в мозгах. Когда тебе все интересно, когда ты хочешь знать больше, в том числе больше, чем твои сверстники.

Самый унылый тип экономического развития — производить то, что производят все. А самый перспективный — создавать новые технологии, наукоемкий продукт, за которым выстроятся в очередь другие страны, который позволит совершить рывок в промышленности, обороне и так далее. То есть можно вступать в конкуренцию на затоптанном поле, а можно — на неизведанном. Но если мы хотим, чтобы у нас выросли люди, которые не побоятся ступить на целину, так заборы-то давайте уберем для начала. Достаточно человеку три раза сказать: «До этого ты еще не дорос», и он уже вряд ли до чего-нибудь дорастет. Потому что нет — и не надо. Говорят «не читай!» — и не буду, тоже мне проблема. Это удивительно, но раньше детям говорили: «Читай! читай!», а теперь: «Не читай, не читай, не читай!». Если мы хотим прорывов, надо поменьше регламентировать. Силы бросать не на регламентацию, а на развитие.

Я прагматик. Не люблю то, что не функционально. Не хотят деятели культуры ходить строем и скандировать утвержденные свше речевки — и не надо. Их задача — не маршрутировать, их задача — создавать такие, условно говоря, марши, под которые другим хочется жить, работать, детей любить, родителей беречь, природу жалеть, встречным улыбаться. Художник не должен быть самым нравственным, самым героическим. Зато он может создавать образы, исполненные нравственности, героизма, патриотизма и человечности.

Есть два варианта: либо можем пытаться навести в культуре идеальный порядок, чтобы они проводили дни в молитве и строевой подготовке, махали и улыбались, козыряли и приступали к исполнению. Но так не будет, хотя в теории все прекрасно. Либо мы признаем, что они такие, какие есть: иногда безалаберные, шептунные, лепят время от времени всякую ерунду, потому что дурное настроение, потому что не пишется, не играется, в аэропорту без очереди не пропустили... Но при этом многие из них способны заставить нас с вами смеяться и плакать. Это главное. И единственная претензия, которую мы вправе им предъявлять, — если качество и слез, и смеха оставляет желать лучшего.

Разумеется, меньше надо влезать в их личные распри, втягивать в это население. И без того вертикаль любви, столь важная для искусства, практически поругана. У меня все внутри кипит от негодования, когда обсасываются низменные, ничтожные сплетни про Шукшина, Высоцкого, Мордюкову, Зыкину, Магомаева... Эти люди судьбы для нас с вами сделали, что их судьбы надо охранять как культурное достояние. В свое время была такая эпитаграмма: «Уезжая на вокзал, Маршак Чуковского лобзал. А приехав на вокзал, «какая сволочь» он сказал. Вот какой рассеянный с улицы Басейной». Известно, что двух великих поэтов связывали очень непростые взаимоотношения. Кого это сейчас волнует? Тех, кто уже Бог весть в ка-

«Политик в кроссовках ничуть не хуже политика с бантом»

культура: Вы ощущаете себя политиком? И что вкладываете в это понятие?

Ямпольская: Ох, это сложный вопрос. Настолько сложный, что, честно говоря, я стараюсь не слишком им заморачиваться. Понимаете, у меня никогда не было осознанной потребности в карьерном росте. Рост присутствовал, но как побочный результат той деятельности, в которую я душевно вкладывалась и которая была мне интересна. Это, наверное, не очень правильный подход для того, кто идет в политику.

4 Ямпольская: И никакие капиталы не помогут человеку, который вышел на трибуну, выражать мысли внятно, грамотно, без бумажки и так, чтобы удерживать внимание аудитории.

Я оцениваю всех — и начальников, и не начальников — исключительно по личным качествам. Ум. Природные дарования — прежде всего, способность усваивать новые знания. Учиться, познавать новое каждый день, всю жизнь, в любом возрасте — это ключевое условие в современном мире. И порядочность. То чувство нравственной брезгливости, которое не позволяет ни делать низости, ни воспринимать их спокойно. И если я вижу, что в человеке присутствуют эти качества, то для меня он сразу становится очень крутым.

культура: Образцы есть?

Ямпольская: Есть, но, думаю, не стоит особенно распространяться. Один образец у всех перед глазами — президент. Тут даже лишние слова говорить не буду. Другой — для меня — наш спикер. Наблюдала за его прямоотой и твердостью при решении вопроса с 44-ФЗ и думала, что в идеале «политики» и «настаивающий мужик» — это синонимы...

культура: А как же женщины в политике?

Ямпольская: Женщине в политике опять-таки требуется ряд качеств, которые принято считать мужскими. Смелость прежде всего. Кто вечный трепещет и вибрирует, по моим наблюдениям, особо высоко не поднимается. Их потолок известен. Иногда такое раздражение возникает: ну хоть мяукини, не убьют тебя, в конце концов. Масса вещей в стране недокручена, недовинчена, потому что кто-то заметил ошибку, но побоялся привлечь к ней внимание начальства.

культура: Неужели Вы ничего не боитесь?

Ямпольская: Ничего не боюсь только умалишенные. Боюсь. И волнуюсь ужасно. Но, как правило, завязываю себя в узел — и вперед. Кроме того, меня легко разозлить, а уж тогда «держите ее семеро». Первый год на посту председателя комитета трудным выдался еще и потому, что постоянно пытались взять на «слабо». Порой внутри Думы, но в основном снаружи. Я их психологию понимаю: только пришла, опыта мало, будет робеть, стесняться, проглотит, перетопчется. Кто она такая, кто за ней есть? Да за мной есть мой характер, прежде всего. Думаю, к текущему моменту все все поняли. Дальше будем спокойно работать.

культура: Ну, хорошо, а начальником Вы себя чувствуете? Ведь председатель думского комитета — величина не маленькая.

Ямпольская: Чувствовать себя начальником больше оснований было в редакции, где строгая иерархия. Депутат — фигура очень самостоятельная, поскольку не назначается, а выбирается. Мы все, по большому счету, друг другу не начальники и не подчиненные. Если речь о жизни вне думских стен... Очень важно сохранять трезвость и отдавать себе отчет — в данный момент улыбаются тебе или твоему креслу. Кресло и ты — не одно и то же. Ты уйдешь, кресло останется, его займет кто-то другой. Постарайся сделать так, чтобы хорошие люди и тогда тебе улыбались.

Кстати, у меня есть своя теория, почему некоторые, получив ту или иную должность, сразу надуваются.

культура: Почему?

Ямпольская: Должность велика. Болтаются. Собирается складками. Вот человек и набирает воздуха, выпячивает грудь, топорщит плечи, чтобы заполнить пустое пространство между собой и обложкой. Кому должность в самый раз, тот ведет себя просто и естественно. А иногда видишь: вроде и должность солидная, а человеку в плечах жмет, у него потенциал явно больше.

культура: Извините, а проводить парламентские слушания в кроссовках — это сознательное опрошение?

Ямпольская: Времена, когда я могла круглосуточно бегать на шпильках, к сожалению, прошли. Теперь, чтобы оставаться стильной, нужны другие решения. Кроме того, я считаю, что если ты сама пришла из творческой профессии и на мероприятия свои собираешь людей творческих, то официоз неуместен. Три года назад, когда мне поступило предложение баллотироваться в Думу, я, видимо, сторжача и от волнения сразу купила серую «двойку» с юбкой и блузку с бантом на груди. Воротник «аскот» так называемый. Один или два раза надевала и поняла, что меня тошнит. Особенно от банта. Больше таких экспериментов не повторяю. Думаю, политика в кроссовках ничуть не хуже политика с бантом. Каждому свое.

культура: У депутатов существуют рейтинги активности. Как Вы к ним относитесь?

Ямпольская: Спокойно. Скажем, при составлении этих рейтингов учитываются количество выступлений на заседаниях Госдумы и плотность присутствия в медийной повестке. Но и то, и другое я сознательно очень четко для себя дозирую. Считаю, говорить надо

только по делу. Встать утром с мыслью «что бы мне сегодня заявить или с какой бы такой оригинальной инициативой выступить, чтобы все СМИ подхватили и до вечера мусолили» — не могу себе такого позволить. Сама себя уважать перестану. А для меня это важнее любых рейтингов.

Конечно, поправки в 44-ФЗ мы без помощи спикера, без его политической воли никогда бы не провели. Однако, если бы не наша настроенность на борьбу, все могло сложиться иначе. В моем представлении это победа комитета. Для меня лично — первая реальная серьезная победа. Когда прошлой осенью удалось отменить бредовые правила проведения международных кинофестивалей, тоже было приятное чувство удовлетворения. Но по 44-му шла такая война, что, когда законопроект был принят, я вышла из Думы и в научных журналах включила песню «И все-таки мы победили» из фильма «По главной улице с оркестром». Причем прослушала ее несколько раз подряд. Было острое ощущение, что это и про меня тоже: «А было в начале, согнать не могу — буксиры молчали на том берегу...». Никакие сторонние рейтинги с таким душевным подъемом точно не сопоставимы. Кстати, спроси у музейщиков, у театралов: как у вас сейчас с рейтингом Ямпольской? Думаю, неплохо.

культура: Ходят упорные слухи, будто Ямпольская — человек недоговороспособный...

принята, то впоследствии можно будет неконтролируемо двигать бюджетные деньги, появятся слепые зоны, возникнут возможности для злоупотреблений?» — «Да». — «Как же ваше уважение ведомство может предлагать такую поправку?» — «Действительно, что-то мы не подумали». — «Вы согласны, что это не следует вносить, тем более наспех, необдуманно, в такой редакции?» — «Да, согласны».

Если мы хотим бороться с обценной лексикой, то советоваться надо именно со Шнуровым

Вот как это называется: договороспособность или недоговороспособность? По факту, конечно, поправка не внесена. Но масса времени была потрачена, чтобы разобраться.

«Отреагировал — значит, задело»

культура: Тролли в Сети раздражают? Когда Ваши цитаты переиhrывают, или просто бред сочиняется и распространяется якобы от Вашего имени.

Ямпольская: Я очень мало в Сети присутствую. У меня есть публичная страничка на Facebook, и то она появилась совсем недавно, по необходимости. Очевидно, нет смысла таких людей переубеждать. Они сами прекрасно знают, что их цитирование некорректно, трактокки перевернуты с ног на голову. Они врут сознательно. В таких случаях отреагировал — значит,

зически не могла произнести. Это не мой стиль совершенно. И вдруг ни с того ни с сего, на голубом глазу человек откровенную ложь тиражирует. При этом на радиостанцию я подать в суд не могу, потому что была прямой эфир, и, естественно, они не контролируют все, что несет гость в прямом эфире. Если бы речь шла о людях, к которым они расположены, наверное, нашлась бы возможность в какой-то иной программе сказать: «Знаете, вчера у нас тут Муратов выступал, так вот это не соответствует действительности». Но по отношению ко мне они не считают нужным идти на подобные шаги, а у меня нет ни малейшего желания тратить время, ехать на «Эхо Москвы» и доказывать очевидное. Соответственно, подала в суд.

Если бы я по-прежнему оставалась главным редактором газеты, которая не имеет отношения к государству и не получает бюджетных денег, то, наверное, поленилась бы связываться. Сочинила бы язвительную авторскую колонку, и хватит. Но сейчас я как депутат — составная часть фракции «Единая Россия», Государственной думы. По каждому из нас судят о парламенте и партии в целом. Нельзя позволить, чтобы ложь в мой адрес наносила репутационный ущерб другим людям и институтам.

культура: На своей странице в Facebook Вы публично ответили Владимиру Соловьеву, который, не проверив информацию, пренебрежительно отозвался об Общественном совете при комитете.

Ямпольская: Начнем с того, что любое ток-шоу для главы думского комитета — необязательная история. У нас хватает трибун и внутри Думы, и вне ее, чтобы высказаться по темам, которые мы считаем для себя важными. В какой-то момент, еще будучи журналистом, я отрезала для себя участие в «желтых» программах, под какими бы предлогами они ни собирались. Когда звонят, неизменно отвечаю: нет, и, пожалуйста, не обращайтесь ко мне больше. Обращаются все равно. «Да, мы все понимаем, но сегодня такая тема, сегодня мы хороним...» Нет. НЕТ. Не хочу я с вами ни крестить, ни хоронить. Празное белье перетряхиваете без меня и похороните как-нибудь без меня. И давно собиралась прекратить

ходить туда, где люди кричат, оскорбляют друг друга, выгоняют оппонентов, и так далее. Насажение пошлости и грубости в телеэфире считаю роковой ошибкой нынешней информационной политики в стране. Собственно, в последнее время из ток-шоу федерального масштаба исключение делала только для «Вечера с Владимиром Соловьевым». Мне наивно казалось, что у

нас с ним добрые отношения. И когда от него звонили, а я вынужденно отказывалась раз, второй, третий, то на четвертый обязательно соглашалась, если тема хоть сколько-нибудь подходила. «Нет уз святее товарищества». Но если человек позволяет себе походя, небрежно выдавать совершенно непроверенную информацию, при том авторитете, который у него есть, и при том, сколько его слово собирает слушателей... Предположить, будто я формирую Общественный совет, чтобы отомстить кому-то из коллег, что я делаю это назло и непродуманно, — честно говоря, даже не сразу поверила, что Владимир Соловьев мог все это произнести...

Понимаю, что подача шаа со стороны Шафран. Минувшей осенью я просто отказалась приехать к ней на эфир. Мы несколько дней договаривались, я просила ее прислать даже не вопросы, но направления разговора. И всякий раз получала одно и то же: «Как-то основные проблемы культуры и как их решать?» Я сказала: «Простите, но Вас совершенно не интересует актуальная повестка комитета, которая находится в открытом доступе, законопроекты, над которыми мы работаем. То есть я буду разговаривать сама с собой». И отказалась.

В данном случае мы продемонстрировали аналогичный уровень профессионализма. «Надо же, они Шнурова пригласили! Нет, чтобы Шахназарова!» А ничего, что Карен Шахназаров вообще был первым в списке совета? Что он вошел туда за три месяца до Сергея Шнурова? Нагорделии ерунды про какие-то корочки, якобы выдаваемые членам совета, про какие-то блага. Извиняться теперь не принято.

По-человечески я разочарована, но жизнь стала проще. Ведь что такое участие в ток-шоу? Это бесплатная работа, причем серьезная: после трудового дня приехать в студию, гримироваться, ждать, собирать мысли по заявленной тематике, потому что я никогда не позволяла себе выходить с пустой головой и нести все, что взбредет на ум. Надо заранее почитать, посмотреть, ознакомиться. Потом отработать в студии, зачастую слушать чьи-то крики, находиться в поле чьей-то нервозности... Зачем?

«Подумываю о Зеленском...»

культура: Вы такой шквал критики выдержали из-за формирования Общественного совета... Не проклинаете тот день, когда эта идея пришла Вам в голову?

Ямпольская: Благословляю. Не зря деятели культуры самого разного толка, возрастов и взглядов подождят, звонят, пишут — просят включить в состав. При том, что, повторюсь, ни с какими льготами это членство не сопряжено. И при том, что при комитете существует еще обширный Экспертный совет, и вообще, ни над одним вопросом мы не начинаем работать без того, чтобы не собрать у себя деятелей культуры на предмет посоветоваться. Но с нашим Общественным советом, конечно, особая история — он стал «модным». Я на такой эффект не рассчитывала, просто хотела собрать классную команду. С кем-то сто лет знакома, с кем-то встретилась впервые, но со всеми безумно интересно общаться. Крут будем расширять, разумеется. А попытки влезть во внутренние дела нашего комитета, указывать, кого приглашать, кого нет, — и дальше пресекать на корню.

культура: «И по поводу Совета я советов не прошу», — как было в Вашем стихотворном заявлении на Facebook.

Ямпольская: Совершенно верно. В нашем обществе развелось очень

кое словесное шипачество хуже всякой цензуры. У многих невроз развивается — боится любой обмолвки. По делам нужно оценивать людей. По делам нужно оценивать людей. По делам, а не по словам. У Киплинга есть стихотворение «Томлинсон», где умерший человек сначала надеется попасть в рай, но на вопрос о добрых делах начинает перечислять «я слышал, я читал, я говорил». От райских врат его прогоняют, Томлинсон вынужден отправляться в преисподнюю. Однако и там требуют перечислить реальные коварства и злодейства. А он опять за свое: «Я говорил, я повторял, я предпологал». В итоге даже в аду его поднимают на смех. И отправляют назад на землю с напутствием наконец начать жить.

культура: По какому принципу Вы приглашаете участников в Общественный совет? Раньше назывались два критерия отбора — вклад в профессию и независимость мышления. Есть еще?

Ямпольская: Во-первых, все члены совета адекватны. Никто не считает чужое мнение плохим только потому, что оно чужое. Уметь слышать других и вести диалог — ключевое качество для успешной работы коллегиального органа. Во-вторых, я избегаю людей с повышенной сервильностью. Если деятель культуры соглашается прийти в Государственную думу, чтобы обсуждать здесь наиболее важные вопросы, он по умолчанию демонстрирует определенную степень лояльности. Ничего больше не надо. Все сверх этого — лишнее и только мешает работе. Не раз сталкивалась с ситуацией, когда какая-то встреча начинается многообещающе, люди говорят искренне и по делу, а потом берет слово очередной оратор и начинает расхваливать всех представителей власти, особенно присутствующих. Пока он льет елей, у остальных зримо туснеют лица: так вот для чего нас позвали, а я-то, дурак... Одна такая сладкоголосая птичка может погубить любое совещание, любой круглый стол.

культура: То есть оппозиционному настроенному Макаревичу Вы опасаетесь меньше?

Ямпольская: Я Макаревича вообще не опасуюсь. Я его творчество очень люблю, а когда симпатизируешь творчеству, отношение волеи-неволеи переносится на самого человека.

культура: Но все-таки: вот 18 марта нынешнего года. Пять лет воссоединения Крыма с Россией. Вы едете на полуостров, размещаете проникновенный пост на Facebook, даже песню «Просыпается страна» этому посвящаете — ее и исполнил первым Ансамбль Черноморского флота. А Андрей Макаревич в очередной раз, мягко говоря, скептически высказывается по поводу Крыма. Как это сочетать?

Ямпольская: У Макаревича свои взгляды и убеждения, у меня — свои. Для меня тот факт, что Крым — наш, верен не просто исторически, но эстетически, что важнее. В единстве России и Крыма заключена, на мой взгляд, художественная правда. Вот так — гармонично, а по-другому — нет. Стало красиво, а было уродливо. Не скрою, удивляюсь, если тонко настроенный, безмерно талантливый человек ощущает иначе. Но в любом случае считаю, что с творцами надо разговаривать с позиций именно художественной правды. И не проявлять бестактности. Тем более что талантливый человек может взгляды поменять. Я не Андрея Макаревича имею в виду: вообще, эволюция взглядов — это нормально. Но человека с правильными взглядами мы, к сожалению, талантливыми не сделаем, тут прерогатива Господа Бога.

культура: А к цензурной лексике в творчестве Шнурова как относитесь?

Ямпольская: Природа не терпит стерильности. Некоторое количество грязи в ней всегда присутствует. Вот если вокруг сплошная грязь, тогда есть о чем говорить. Я знаю людей, которые, в отличие от Сергея Шнурова, в творчестве своем благонадежны и нормативны, зато в быту изыщаются исключительно матом. Эта разнужданность языковая, вербальная грязь, действительно, разрушает человека изнутри. Обценная лексика стала бичом нашего общества. Порой страшно рядом с подростками по улице пройти. Но их не Шнуров этому научил. У него-то как раз богатейший словарный запас. И если мы хотим с этой бедой бороться, понимать ее причины, то советовать надо именно со Шнуровым. А не с теми, кто вручает и получает награды «за нравственность». Они порой очень милаые люди, но крайне далеки от реальности.

культура: Наверное, после приглашения Шнурова равновеликих скандалов уже не будет? Более скандальных кандидатур в Общественный совет просто не осталось?

Ямпольская: Подумываю о Зеленском... Деятели культуры все-таки. У нас большая сила убеждения. Глядишь, и научили бы Россию любить... На этой шутке, друзья, давайте возьмем паузу.

Окончание беседы — в следующем номере

Ямпольская: Когда ко мне приезжает чиновник и говорит: «Хочу договориться, чтобы ты свой законопроект сняла и с дороги ушла», он изгоняется из кабинета, а на стол Вячеславу Викторовичу Володину ложится моя докладная. В этом смысле я, действительно, недоговороспособна. Но вот такая история произошла, когда мы принимали изменения все в тот же закон о госзакупках. Срок подачи поправок был сокращен. Оставалось буквально полдня, и тут из одного очень серьезного ведомства поступает просьба ко второму чтению внести еще одну поправку. Текст они пришлют, а внести просят меня. Приезжает некая девушка. Смотрю текст. Странный, кривой и, как у нас говорят, коррупционноремкий. То есть защиты от жулика в этой поправке нет. А в принципе, в каждом законе должна быть установлена защита от дурака и от жулика — это базовая комплектация. Начинаю спрашивать: «В чем смысл того, что здесь предлагается? Чем вы это мотивируете?» Она начинает путаться, ссылаться на театральные деятели, которых, вероятно, видит только по телевизору, а я-то с ними в ежедневном контакте нахожусь. Предлагаю: «Пусть мне позвонит кто-нибудь из ваших руководителей». Типа взрослые дома есть? Звонят взрослые. Говорю: «Друзья, вы понимаете, что если такая поправка будет внесена и

задело. У нас депутаты такие есть, в основном из оппозиционных фракций. Специально что-нибудь скажет о тебе или о твоём комитете один раз, второй раз, третий. Как будто мальчишка в школе за косячки дергает. И если ты вступишь в диалог, станешь его партнером по этой клоунаде, он победил. Я стараюсь — дергают, не дергают — не оборачиваться.

культура: Тогда почему в суд подали на Дмитрия Муратова, ведь можно было не обращать внимания?

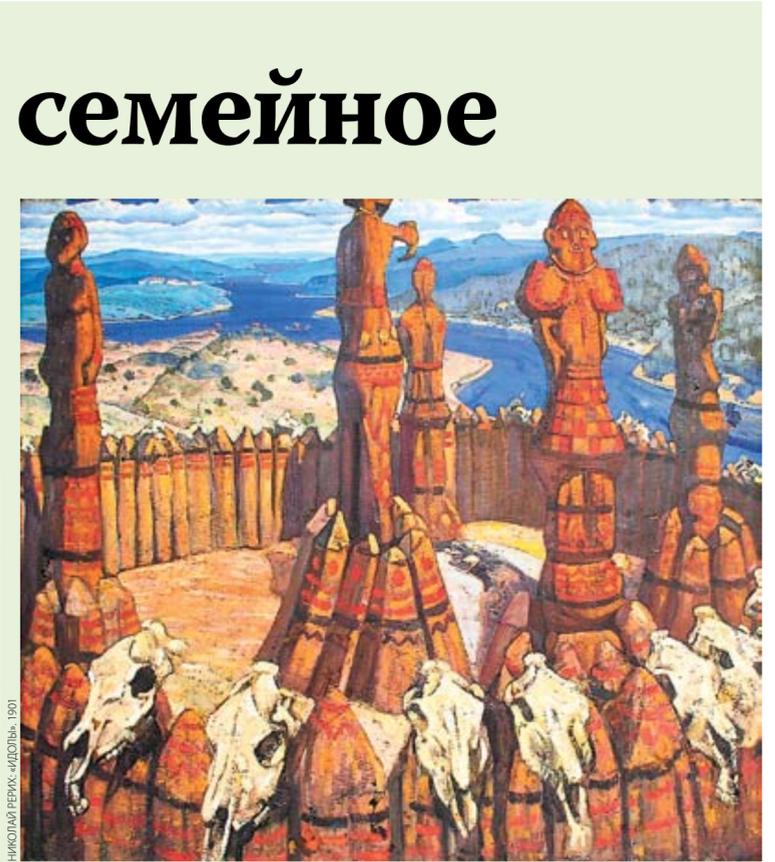
Ямпольская: Выбора другого не оставили. Предлагалось просто опровергнуть информацию и извиниться, но мой пресс-секретарь получил гениальный ответ: «А ты кто такой? Почему пишешь от ее имени?» Ну, а вы тогда почему шлете нам ответ от имени Муратова, объясните. Я предупредила, что всякий, кто не сотрет дурацкий фейк про якобы мои оскорбительные слова в адрес пенсионеров, всякий, кто будет его распространять, получит судебный иск. И уже после этого Муратов вдруг выходит на «Эхо Москвы» и повторяет дезинформацию. Очень странное поведение. У нас могут быть разные взгляды с Муратовым, они и есть разные, но все-таки мы коллеги, мы неоднократно встречались в теле-студиях. Как опытный журналист он, безусловно, понимает, что текст, который он на «Эхо» процитировал, я фи-

хотеть туда, где люди кричат, оскорбляют друг друга, выгоняют оппонентов, и так далее. Насажение пошлости и грубости в телеэфире считаю роковой ошибкой нынешней информационной политики в стране. Собственно, в последнее время из ток-шоу федерального масштаба исключение делала только для «Вечера с Владимиром Соловьевым». Мне наивно казалось, что у

много лбедников и кляузников. Мне кажется, это опасная тенденция, ее не следует поощрять. Все мы утром встаем, открываем новости и первое, что видим: этот сказал, а этот ему ответил, а третий все это прокомментировал, четвертый заявил, а «пользователи соцсетей негодуют». Всеобщая забава теперь — лавить на слове. Актеров, футболистов, чиновников. Та-

Горы — это у них семейное

МУЗЕЙ Рерихов, с недавних пор — филиал Государственного музея Востока, обрел новый адрес. Теперь большой пласт наследия выдающейся семьи художников и ученых демонстрируется на ВДНХ, где открыта постоянная экспозиция «Сохраняя культуру».

Найти ее несложно: нужно пройти несколько сотен метров по главной аллее исторической «выставки достижений» до знаменитого фонтана «Дружба народов». Чуть левее обнаружится вход в темно-красное, украшенное тройной аркадой на фасаде здание павильона номер 13, бывшего «Здравоохранения», еще прежде — экспозиции Армянской ССР. Теперь здесь базируется Государственный музей Востока. Поначалу в павильоне предполагалось устроить фондохранилище ГМВ, однако из-за планов реставрации бывшей усадьбы Лопухиных в Малом Знаменском переулке пространство ВДНХ было отдано экспозиции Рерихов.

Коллекция, которая была передана Советскому фонду Рерихов, в 2016 году стала составной частью ГМВ. Еще в советские годы Музей Востока начал пропаганду творчества Николая Рериха, который справедливо причислен к пантеону классиков русского искусства. Большое уважение вызывает и деятельность его сыновей — ученого-востоковеда Юрия и художника Святослава.

Павильон № 13, специально отреставрированный для Музея Востока, довольно велик, так что экспозиция получилась масштабной. В ней уместилось более 400 произведений, дающих яркое представление о творчестве Николая и Святослава Рерихов. Пространства достаточно и для живописных холстов, и для восточного искусства, которое Рерих-старший изучал и коллекционировал. В центре экспонируется наследие Николая Рериха, а точнее, супружеской пары, чьи интересы совпадали, образуя гармоничный арт-тандем. В частности, результатом такого единения стала крупная «архитектурная серия» картин Николая Константиновича, созданная в большом путешествии по России, которое он предпринял вместе с женой в 1903–1904 годах. Супруги посетили более сорока городов,

известных памятниками старины, которые запечатлены не только на холстах, но и на великолепных фотографиях, сделанных Еленой Ивановной Рерих.

Картины сдержанные и реалистические, когда речь идет о дореволюционном периоде творчества Николая Рериха, лишь изредка позволяя себе буйный полет фантазии; и пылающие яркими красками, если это поздний период Рериха-старшего, проведенный в Индии, и почти весь массив наследия Святослава Рериха, одаренного живописца и выдающегося мыслителя. Отныне у зрителей есть шанс рассмотреть множество холстов, сравнивая особенности разных периодов и отмечая скрытые прежде детали.

Вокруг «древнерусского» раздела выстраиваются произведения других периодов, с иной аурой. Они не вступают в противоречие с несхо-

жими по стилистике ранними картинами, напротив, являют собой органичное продолжение линии «сохранения культуры», которая легла в основу творчества Николая Рериха еще в молодые годы. К слову, он одним из первых заговорил о колоссальной художественной ценности древнерусской иконописи и архитектуры. Сегодняшний зритель порой забывает об этом, ошеломленный экзотикой картин, созданных в Гималаях, тогда как еще на заре прошлого века мастер написал: «Пора русскому образованному человеку узнать и полюбить Русь. Пора светским людям, скучающим без новых впечатлений, заинтересоваться высоким и значительным, которому они не сумели еще отвести должное место, что заменит серые будни веселую, красивую жизнь».

Как рассказал куратор экспозиции на ВДНХ Владимир Росов, «сохранение культуры — глав-

ный завет, который семья Рерихов оставила человечеству». Уже на ранних этапах Николай Рерих, путешествуя по России, не только создавал живописные работы, но и выдвинул идею сохранения древностей и памятников зодчества. Эта идея со временем претворилась в первый международный документ о защите культурных ценностей во время войн и вооруженных конфликтов — «Пакт Рериха». В 1935 году его подписали главы 21 государства Северной и Южной Америки, а в 1954-м документ лег в основу Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта.

Дорогая художнику тема Древней Руси стала камертоном экспозиции, помимо «архитектурной серии» включившей полотна «Строят ладьи», «Идолы», «Книга голубиная», «Земля Славянская», «Ярослав Мудрый», «Святогор». В це-

лом организаторам удалось охватить 45 лет творческой жизни Николая Рериха. Можно увидеть «Ангела последнего», «Чудо», «Армагеддон», а также множество работ из серии «Гималаи». Другой, не менее важный раздел содержит произведения скульптуры и тибетские иконы (танки), собранные Николаем Рерихом в середине 20-х во время научно-художественной экспедиции по Индии и Центральной Азии. Созданная на территории ВДНХ экспозиция Музея Рерихов предлагает редкий вариант «открытого фондохранилища». Восточные артефакты размещены на стеллажах в отдельном зале, будто в запаснике, однако посетитель имеет возможность внимательно рассмотреть их, заодно и сравнить десятки произведений, собранных воедино.

Татьяна СТРАХОВА

Знакомые все лица

ЦЕНТР фотографии имени братьев Люмьер совместно с Культурным фондом Still Art Foundation представили первую персональную выставку fashion-фотографа **Данила Головкина FACES**. В галерее, расположенной в арт-кластере «Красный Октябрь», более 60 портретов отечественных и западных звезд: от рэпера Басты и актрисы Александры Бортик до дизайнера Филиппа Старка и топ-модели Наоми Кэмпбелл.

Зарубежный глянец прославила целая плеяда культовых авторов, включая Ричарда Аведона, Хельмута Ньютона и Дэвида Лашапеля. Художники от светописы не просто создавали мечту, погружая зрителей в потребительский рай, но превращали рекламные и коммерческие съемки в искусство.

Сегодня, во времена «новой скромности», гламур потерял соблазнительный блеск. А бурное развитие интернет-медиа почти не оставило шансов модным журналам. Данил Головкин ярко заявил о себе еще в прежние, «сытые» времена: когда тиражи были больше, бюджеты — жирнее, а СМИ появлялись одно за другим. Его работы не столь провокационны, как у того же Терри Ричардсона, создателя скандальных снимков, обвиненного в сексуальных домогательствах. Творения Головкина — это тщательно сбалансированный коктейль из фэшн-фотографии, психологического портрета и канонов, заданных зарубежными мастерами.

Данил изначально работал арт-директором в одном из агентств. Постепенно увлекся съемками: шутит, что предлагал клиентам в числе других фотографов и Головкина — автора с небольшим опытом, «но классного». Пару раз ярк прошел на ура, и постепенно набралось портфолио, необходимое для мира глянца и рекламы, где без участия в серьезных кампаниях

невозможно получить доступ к раскрученным брендам.

Среди людей с камерами огромная конкуренция, поэтому приходится «брать» не только качеством снимков, но и оригинальностью идеи. Как признается Данил, к каждому фотосету он тщательно готовится: собирает информацию о герое и представляет его в необычной ситуации. Так, Матильда Шнурова, любительница балетных растяжек, застыла в прыжке над бассейном, будто бы выполняет спортивное упражнение или отработывает прием из боевых искусств. Актриса Ирина Горбачева изображена неожиданно нежно, среди лесных трав, а вот пробивная Тина Канделаки вполне воинственно: с рапирой в руках. Есть и звезды предыдущего поколения, блиставшие на рубеже 1990–2000-х: например, артисты Ксения Кутепова и Николай Фоменко. А также модели: Наташа Поли, пик популярности которой пришелся на середину нулевых, и всегда актуальная Наталья Водянова, не только звезда подиума, но и филантроп.

Головкин с удовольствием снимает танцовщиц балета — искусства невероятно фотогеничного. Любопытно, что намеки на «полетность», виртуозность порой создается нетипичными средствами: скажем, на кадрах с Дианой Вишнёвой и Сергеем Полуниным «парит» ткань, а не сами звездные модели. Подобно другим художникам, Данил не избегает реминисценций. Например, Глюк'oЗа бежит по полю, догоняемая самолетом, как на знаменитом снимке Хельмута Ньютона для Vogue.

В основном мастер работает в студии, но есть и чисто репортажные, журналистские удачи. Так, на выставке представлен портрет культовой Анни Лейбовиц, случайно встреченной в Москве. Надо сказать, гранд-дама не растерялась и, увидев направленный на себя объектив, вытаскала камеру и стала снимать Данила Головкина в ответ. Стоит ли теперь ждать на вернисажах Эни изображений отечественного автора? Возможна ли экспансия российской модной фотографии на международный рынок? Хочется верить, что для наших талантов нет преград.

Ксения ВОРОТЫНЦЕВА

От Рады до зрады

Андрей МАНЧУК

ИНАУГУРАЦИЯ Владимира Зеленского была сыграна в лучших традициях постановочного шоу, в которых подотпорел этот опытный актер и продюсер, — вполне естественно, она, прежде всего, предназначалась для телевизионной аудитории. Новый украинский лидер продемонстрировал блестящую форму и реакцию, чего явно не ожидали его противники.

Жизнерадостный Зе пожимал руки людям, собравшимся возле Верховной рады, по-хозяйски вел себя на парламентской трибуне и упивался унижением политических оппонентов. А команда проигравших, включая экс-президента Петра Порошенко, генпрокурора Юрия Луценко, первого вице-спикера Ирину Герщенко и главу Службы безопасности Украины Василия Грицака, наблюдала за триумфом Зеленского с печальными гримасами. Причем последний вместе с командующим Силами спецопераций генералом Игорем Луневим демонстративно забыли отдать честь новому Верховному.

Но ключевым моментом инаугурации стала тронная речь Зеленского, выдержанная в стиле «за все хорошее и против всего плохого». Апеллируя к ярким образам, слуга народа анонсировал новый курс, направленный на возрождение и процветание Украины. А главное — торжественно пообещал остановить военный конфликт на востоке.

«Я точно не боюсь принимать сложные решения. И если будет нужно, я готов потерять свою должность, чтобы только настал мир. Не теряя наши территории. Никогда. Наше важнейшее задание — останова огня на Донбассе», — заявил Зеленский. Эти слова вызвали в обществе массовый подъем энтузиазма — ведь, согласно недавним опросам, половина жителей Украины готова к мирному компромиссу на основе признания автономии неподконтрольных Киеву территорий. И только сидевший в парламентской ложе экс-премьер Арсений Яценюк ехидно улыбался — вероятно, вспоминая о том, что и он когда-то публично обещал застрелиться в случае провала реформ.

И действительно, уже на следующий день после миролюбивого выступления в стенах Рады Зеленский вернулся к привычной риторике эпохи Порошенко. Встречаясь с группой достаточно влия-

тельных американских политиков, он вновь затянул мантру о российской агрессии, призывая ужесточить санкции против РФ. Хотя не очень понятно, каким образом это приблизит обещанный Зеленским мир на Донбассе.

Впрочем, в ближайшие месяцы Украину ожидает ожесточенная война на всех внутренних фронтах. Новый прези-

Многое, судя по первым шагам Зеленского, говорит о том, что блестящая «перемога» слуги народа вскоре обернется привычной украинской «зрадой», то есть изменой, предательством

дент сразу анонсировал роспуск Верховной рады — несмотря на то, что сторонники Порошенко пытались предотвратить столь предсказуемый шаг с помощью формального крючкотворства. Их усилия вполне понятны. Ведь, согласно только что опубликованным результатам опроса международного исследовательского центра The Belgium-Ukraine Research Institute, пропрезидентская партия «Слуга народа» может рассчитывать сейчас на поддержку 34,7 процента избирателей, условно пророссийская «Оппозиционная платформа — За жизнь» получит 15,1 процента голосов, а «Батькивщину» Юлии Тимошенко выступают 9,5 процента украинцев, а за «Блок Петра Порошенко» проголосуют всего 8,9 процента.

Впрочем, экс-президент может не дождаться даже такой поддержки, поскольку в ближайшие месяцы на украинцев обрушится вал разоблачений многочисленных преступлений ушедшего власти режима. Так, уже 21 мая Государственное бюро расследо-

ваний открыло дело против самого Петра Порошенко, подозреваемого в госизмене и действиях, направленных на насильственное изменение конституционного строя. Обвинения касаются ноябрьских событий, когда президент Украины послал в Керченский пролив группу боевых катеров, а затем использовал их арест для попытки ввести в стране чрезвычайное положение, дабы оттянуть проведение выборов. Основанием для начала расследования стало заявление бывшего замглавы администрации президента Виктора Януковича — опытного юриста Андрея Портнова, демонстративно вернувшегося на родину за день до инаугурации после пятилетнего изгнания.

При этом Верховная рада не сможет саботировать свой досрочный роспуск, поскольку общественное доверие к избранному на пике шовинистической истерии «парламенту войны» находится сейчас на критически низком уровне, а неуклюжие попытки противостоять инициативам Зеленского только увеличивают ее антирейтинг. Согласно последней информации из кулуаров, новые выборы могут состояться уже 21 июля, причем Зеленский предлагает полностью отказаться от мажоритарной схемы, взамен предлагая снизить проходной барьер для объединений до 3 процентов.

Очевидно, что «команда Зе» довольно быстро овладела политической инициативой, а вот выстроенный Порошенко система рухнет на глазах, причем параллельно растет и число возбуждаемых уголовных дел в отношении «бывших». Однако многое говорит о том, что блестящая «перемога» слуги народа вскоре обернется типичной для украинской реальности «зрадой», то есть изменой, предательством. Слишком разные векторы задает Зеленский. Обещая всем себам по серьгам, хитрый шоумен сильно рискует. А так и не наладив диалог с Москвой, он вместе с тем может стать жертвой внутривнутриполитических разборок в США, где раздувают скандал вокруг украинского вмешательства в американские выборы. Сказочная история президента-комика только начинается, но далеко не факт, что ее конец окажется счастливым.

Автор — украинский политолог

Старикам здесь место

Станислав СМАГИН

НОВОМОДНЫЙ прогрессивный психолог Люция Сулейманова (вообще новомодные прогрессивные люди разного края имеют у нас особенность носить необычные имена) в телеэфире призвала не уступать пожилым людям место в метро и так бороться с возрастной дискриминацией. «Я не раз замечала, какое унижение испытывают люди старше пятидесяти лет, когда им подчёркнуто пренебрежительно или под давлением социальной пропаганды уступают места в общественном транспорте. Это крайне негативно сказывается на их психическом здоровье, зачастую приводит к глубочайшим внутренним кризисам и даже самоубийствам. Еще недавно эти люди работали над важными проектами, прекрасно выглядели и были полны сил. А теперь на них смотрят с жалостью», — отметила психолог.

Классики русской общественно-политической мысли еще в позапрошлом веке — до того, как был описан и сформулирован феномен карго-культура, — подмечали, что отечественный прогрессизм, в первую очередь либеральный, фактически этим самым карго-культом и является. Солидно одетые люди с холеными лицами прыгают с бубнами в руках вокруг маленькой подчиненной части определенного явления или вообще одного только его названия, надеясь, что благодаря подобным манипуляциям к их ногам упадет все явление в целом. Так, в 90-х и начале нулевых прогрессивная общественность неистово требовала введения «института» как залогом благополучия страны, хотя, кажется, слабо понимала даже, чем институты как социально-политический феномен отличаются от научно-образовательных структур с аналогичным названием. Теперь вот пришла пора нового чаемого гаранта всеобщего благосостояния и счастья — прав меньшинств и дискриминируемых групп, с которыми вытанцовывают так же не-

справедливости ради, защиту подобного рода прав изначально жутко изучили на их родине, Западе, где здравую идею превратили в чудовищную тоталитарно-репрессивную идеологию, не улучшающую общество, а измывающую над ним, выкорчевывающую его фундаментальные понятия. Однако российские прогрессисты со свойственным неогитам рвением умудряются прогнать вторичное извращение, вытряхнув из правозащиты последние оставшиеся положительные элементы — как в случае с требованием права пожилым. В результате получается повторение старого анекдота про жену, которая жалуется мужу, мол, черное ее полнит, а тот резонно замечает, что дело не в цвете, а в неистовом поглощении пищи. Ведь не вежливо в транспорте оскорбляет наших стариков — как правило, на оборот, а прежде всего негативная социальная среда, условия жизни и прочие тому подобные «мелочи».

Что такое борьба с возрастной дискриминацией в США? Это, например, отстаивание права пожилого человека не быть отсыленным при приеме на работу, особенно когда речь идет о трудовой деятельности, плохо вяжущейся в глазах обывателя с почтенными годами. Скажем, женщина под шестьдесят может добиться вакансии стюардессы. Кому-то с нашей колокольни это покажется диковатым и смешным. Но именно так ведется борьба за право дать пожилому человеку место в транспорте и в школе, чтобы шаблонно полагать ему по возрасту. А вот отнять место в транспорте из уважения к сединам, точнее, чтобы продемонстрировать якобы незаметность этих седин... Глупость какая-то. Да, некоторые пенсионеры не только на Западе, но и у нас действительно обижаются на проявленное подобным образом сочувствие, их это ду-

Автор — публицист

Ален Делон: снова непокоренный

Алексей КОЛОБРОДОВ

ЗАХЛЕБНУЛАСЬ кавалерийская атака американских феминисток на Алена Делона, 83-летнего секс-символа французского экрана и символа Франции как таковой. Свою «Золотую пальмовую ветвь» за вклад в развитие кинематографа от жюри Каннского фестиваля он все-таки получил. Но поражение прогрессисток видится лишь временным и тактическим.

Напомню фавулу скандала. Странно, конечно, что у каннского жюри только сейчас дошла очередь до Алена Делона, с его-то огромной выставочной фильмографией, по которой можно изучать историю послевоенного европейского кино. Он сотрудничал с легендами режиссуры: от Лукино Висконти до Микеланджело Антониони, от Жан-Пьера Мельвиля до Жан-Люка Годара и Фрэнсиса Бэки; отмечу также роли у Фолькера Шлэндорфа и в советско-французском блокбастере 1981 года «Тегеран-43», а вот американский период актера в конце 60-х звездным не получился, хотя и там были сильные работы.

Но, как бы то ни было, награда могла и не найти героя — феминистки из организации с несколькими гротескными названиями «Женщины и Голливуд» во главе с Мелиссой Сильверштейн разместили петицию против премирования, стандартно обвинив Делона в «расизме, сексизме и гомофобии». Обращение собрало смехотворные в общем-то двадцать с небольшим тысяч подписей — но подобные дамы воюют не числом. Руководство каннского фестиваля обычно чутко реагирует на претензии «либеральной жандармерии» — достаточно вспомнить длительное отлучение от мероприятия самого Ларса фон Триера, ну и в целом политику агрессивного трансгуманизма.

Между тем Канн — место для Делона знаковое, по сути, именно здесь началась его долгая и звездная карьера: в 1956 году юный Ален, решив стать актером, отправился на фестиваль за удачей и был замечен американским продюсером Гарри Уилсоном. Тот предложил ему семилетний контракт, но тут подоспели другие варианты, и молодой человек предпочел остаться на родине, снявшись в дебютных ролях у братьев Аллегре.

Вопреки либеральным ожиданиям, на сей раз организаторы Каннского фести-

валя первоначального решения не изменили. «Мы не вручаем Нобелевскую премию мира», — сказал арт-директор Тьерри Фремо. — Ален Делон волен высказывать свое мнение по любым вопросам, хотя оно и не всегда совпадает с мнением руководства фестиваля». И добавил: «Канн осуждает подобные комментарии, но не осуждает свободу выражения мнений».

В ответ Мелисса Сильверштейн предсказуемо обрушилась уже на одну из самых влиятельных киноплощадок в мире: «Отдавая дань уважения Делону, фестиваль чтит отвратительные ценности». Высказывания французской киноледи по воспальной повестке еще лет десять назад выглядели бы, может, и не политкорректными (впрочем, самую малость), но вполне дискусионными и никак не поводом для обструкции. Актер в одном из интервью назвал гомосексуализм противоестественным явлением, подверг сомнению право на усыновление детей однополными парами — малышам, полагает Делон, нужны нормальные родители, мама с папой, а не номерные особи. Знаменитый француз также признался, что в молодые горячие годы случалось ему хлопотать барышней — о феминистский кошмар! — по филейным частям. Кроме того, Делон периодически высказывался по большой для Франции теме, призывая ограничить прием мигрантов. Тут в жилю еще пришло его давняя дружба с основателем Национального фронта Жан-Мари Ле Пен — существует даже легенда, что Ле Пено знакомился с ним в Индии, где в 50-х Ален служил десантником. Как бы то ни было, оба воплощают один и тот же известный галльский тип — наглового красавца, своего парня, бретера и консерватора.

Собственно, петиция организации «Женщины и Голливуд» в отношении Делона — удобный повод для атаки по куда более широкому фронту. Американский либеральный истеблишмент давно раздражен французским и — шире — европейским консерватизмом, задиристым и подчеркнуто антиамериканским, осо-

бенно в сфере культуры. Показательно, что скандал с Делоном произошел накануне выборов в Европарламент, где правые партии, с их традиционалистскими, антииммигрантскими и, как ни странно, во многом социальными инициативами имеют внушительные перспективы.

Несмотря на отрадное для актера и каннского жюри, сохранившего лицо, разрешение проблемы, здесь просматриваются две вполне печальные тенденции. Во-первых, Ален Делон, да, стал символом культурной независимости Франции, но и символизм этот мрачноват: 83-летний артист — натура очевидно уходящая. Как и его звездные коллеги — 84-летняя Брижит Бардо и 75-летняя Катрин Денёв, сегодня известные схожей общественной позицией. Однако не приходится слышать, чтобы французские кинозвезды более молодых поколений поднимали голос против уходящего трансгуманизма. Уйдут перечисленные символы традиционной Франции, которым, по сути, нет уже смысла пусоваться перед тотальным диктатом либерального дискурса, а заменить их явно некому, и дело тут не в смелости или твердости, а в элементарной возможности быть услышанным даже на родине. Не случайно тот же Тьерри Фремо, комментируя награждение Делона, конфузливо заметил, что актер, дескать, человек другого поколения, а его пытаются судить представители иных идеологических эпох. Мол, дедушка старый...

И второе. Фремо прямо заявил либеральный постулат о свободе мнений. Однако все понимают, что применительно к сейчас крайне избирательно — в отношении даже не Делона, а его заслуг. Нет сомнений, что правила изменились, и теперь творческие достижения будут рассматриваться исключительно посредством табеля об общественном поведении, куда озобоченная публика станет расставлять отметки, руководствуясь вполне инквизиторским подходом. А выразители этого «естественного» вроде Мелисса Сильверштейн начнут вести себя еще агрессивнее и требовательнее, вслед за протянутым пальцем лихо отхватывая руки до локтя. Пожалуй, таких проколов, как с Аленом Делоном, они больше не допустят.

Автор — литературный критик

Будет и на нашей улице песня

Юрий ЛОЗА

ОТГРЕМЕЛИ медными тазами страсти по «Евровидению», а Старый Свет определился в своем небогатом выборе. Европа вновь предсказуемо проголосовала за безликую песню — на этот раз Дункана Лоуренса из Нидерландов. Сергея Лазарева занял третье место.

Если взглянуть на изначальные постулаты, сформулированные в 1956-м, когда «Евровидение» скопировала с итальянского песенного фестиваля в Сан-Ремо, то выяснится, что его основная идея — показать многоликость Европы, дав возможность каждой стране познакомить соседей со своей эстетикой культурой, а также стать им чуткою балуэ и понятнее. В самих песнях не должно было звучать и намека на политику, чтобы ненавистно не затронуть чьи-то чувства, никому не давалось никаких привилегий, а победителя выбирали простым голосованием соплеменники участников песенного шоу.

Сегодня политика тесно переплелась с протекционизмом, а для лучшего управления результатами добавили «карманное» профессиональное жюри, позволяющее менять результаты по своему усмотрению. Изначально все должны были петь на родном языке, но в 80-е годы попросили организаторов разрешить им использовать английский. Обращение мотивировали тем, что шведский никто больше в мире не знает. Англоязычные же быстро сообразили, что таким образом смогут расширить влияние, и сегодня на «языке Шекспира» выступают абсолютно все.

Только это нивелирует любую оригинальность и делает песни похожими. После первых же «тирес» и «край» пропадает всякое желание слушать композицию, ибо ничего нового от нее уже не ждешь. Увы, но современные британские поэты давно не рифмуют свои произведения, так как все более-менее очевидные созвучия стали банальными из-за бесчисленного употребления. Ничего не сочиняют английские тексты для «Евровидения» разве что оленеводы Чукотки

и пигмеи экваториальной Африки, а большинство же опрометчиво полагают, будто способны пошить из стократно перестиранных словесных оборотов новые поэтические портки.

Когда меня просят прокомментировать результат российского исполнителя на минувшем «Евровидении», я задаю встречный вопрос: да кто сказал, что он российский? Что в нем российского, кроме фамилии, штампа в паспорте и денег, потраченных на закупку зарубежного контента? Иностранцы его одели, обули, придумали номер и написали ему песню на чужом языке, которая, по их мнению, должна понравиться британской домохозяйке. Мало того, за все время его пребывания на фестивале никто даже не попытался с ним заговорить или поздороваться по-русски — обращались исключительно как к англаску, пусть и приехавшему из России.

Еще один вопрос: а зачем нам так называемая победа на «Евровидении»? Ну выиграл наш Дима Билан — и что? Где его европейские гастроли? Их нет и не было с момента «триумфа» и по сей день, потому что никому Билан на Западе с английскими песнями не нужен. Он «точь-в-точь» и «один в один», а в Старом Свете это не котировано — у них своих таких полно. Ну да, мы после той «победы» провели у себя фестиваль, вбухали кучу денег, но много ли обычных соотечественников он согрел или сделал счастливей? Хуже того, для проведения масштабного шоу и технику, и специалистов мы тоже выписали из-за рубежа. Стыдоба, да и только.

Тут, собственно, мы подошли к сакральному вопросу: действительно «что делать?». Конечно же, не вставать в позу, как гордые итальянцы, которые в знак протеста против английского засилья четверть века назад перестали посылать своих участников и дол-

шевно ранит. Однако таких, будем объективны, весьма немного, и то, что называется, на глаз можно определить, каких лет человек уж точно не оскорбится добродушному заблаговому жесту.

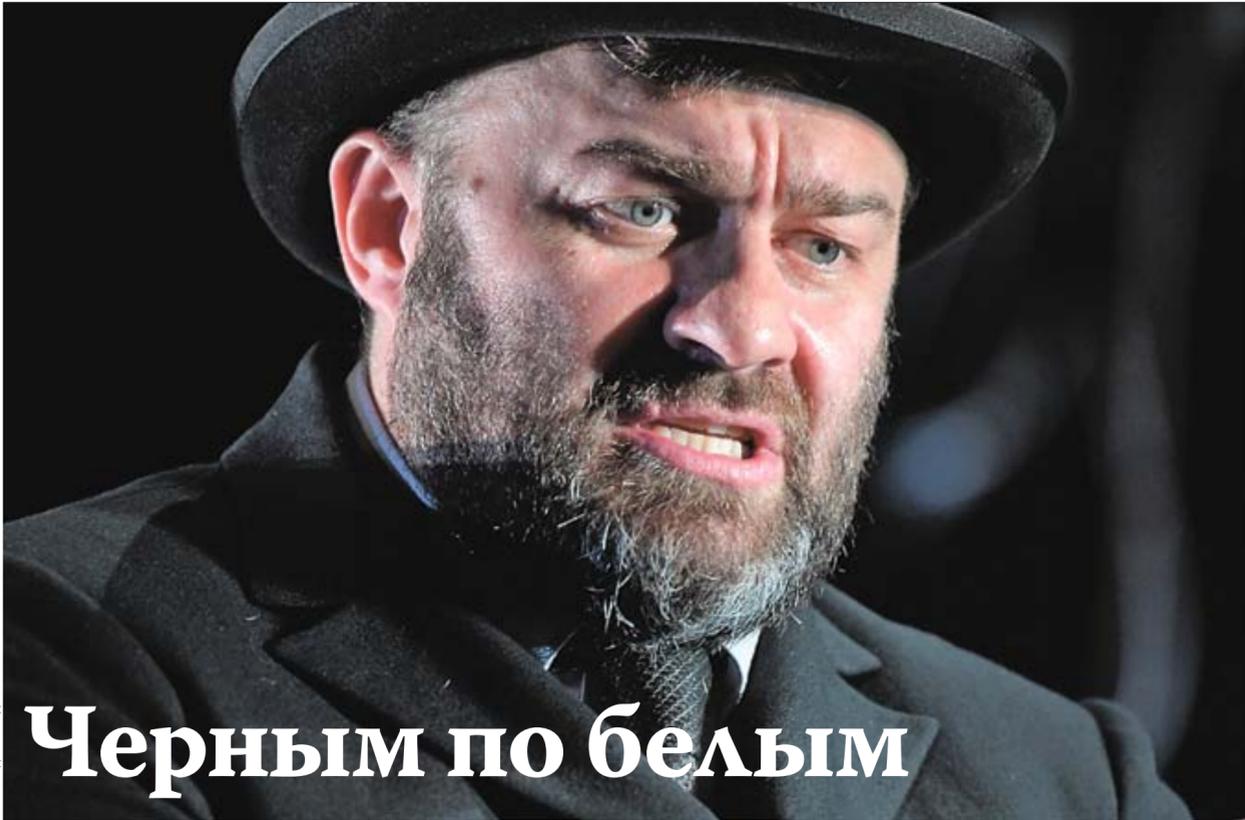
Наконец, есть здесь одно немаловажное обстоятельство — внешнее по отношению к пожилым. Уступать им место — один из последних несомненных обычаев нашего раздробленного атомизированного общества, одна из наших, не побоюсь затрепанного пафосного слова, «скреп». Да, слово «несомненный», к сожалению, уже и тут не совсем применимо: многие страдают на нормы морали плюют, а она сама извращается. Однако большинство из нас пока ей охотно следуют или же, если сами стоят, протестуют подтянувшись кого-нибудь из сидящих молодых людей.

Повторю то, что говорил всегда: не надо пропагандировать, учить, особенно детей, индивидуализму, рвачеству, «катаскрайничеству» — худшим проявлениям падевшей природы или животного начала. Все это в человеке и так сильно, оно обязательно попытается прорваться и взять свое — дай только возможность. Учить же надо альтруизму, взаимопомощи, разного рода социальным условиям, каждая из которых сама по себе на первый взгляд кажется мелочью, но в сумме с остальными, точно каркас, удерживает здание цивилизации.

И то, что разрушение основ под звуки бубнов нижнего мира пропагандируется как путь к благу, может отчасти служить оправданием, но никак не поводом выполнять декларируемое. Даже чертенок №13 из одноименного мультфильма понял, что такой путь — дорога в никуда. Мы же не черти, а люди — по крайней мере, стараемся быть ими. Так что место кипящих котлов лучше выдворять друг друга на свободные места в транспорте, помня, что забота о ближнем проявляется именно в так называемых мелочах.

Автор — поэт, композитор

Черным по белым

Он писал эту многонаселенную пьесу для Художественного театра. Ее, представленную коллективу согласно договору в марте 1928-го, оценили высоко, распределили роли, запланировали присутствие к репетициям. Но цензором Репертома справедливо показалось, что белые генералы вызывают недопустимую симпатию — последовал запрет. Потом разрешили постановку при условии изменений, но вновь перекрыли кислород. Спустя несколько лет вроде бы вновь дали добро, но измененный финал — Хлудов свел счеты с жизнью, Серафима и Голубков решили вернуться в Россию — ситуацию не исправил. В 1937-м МХАТ предпринял еще одну тщетную попытку, после которой Булгаков сказал: «Бег» умер». Своего произведения на сцене автор не увидел, к читателям оно попало только в 60-е годы.

Мнения о сегодняшнем «Беге» наверняка окажутся полярными. Тем,

кто соотнесет спектакль с популярным фильмом режиссеров Алова и Наумова, собравшим невероятные актерские работы, «Бег» образца 2019-го покажется скучноватым. Найдутся и те, кому не хватит примет «актуальности»: политические рассуждения, гаджетов и экранов. Все это, действительно и к счастью, не волнует режиссера, он ведет речь о людях, покалеченных беспощадным молохом войны, попавших под колесо истории.

Пьеса дополнена и переработана. Поначалу беспокойному воображению представилось, что драматургический материал Женовач, при вышедший ставить многостраничные книги, трансформирует в романное повествование (сцена в монастырской келье, открывающая пьесу, не играет, ее пересказывает Чарнота), но быстро стало понятно, что им отменяется ряд диалогов и добавляются фрагменты иных булгаковских

произведений во имя уточнения латентных смыслов. Текст подчеркивает исходный контраст спектакля: беспросветный мрак первого действия и безудержная ирония трагической буффонады во втором. Учитываются прототипы — их имеют многие герои, дополнены реплики сына профессора-идеалиста Голубкова, чья фамилия — анаграмма Булгакова, и его мысли корреспондируются с авторскими — Михаил Афанасьевич имел опыт службы у белых, перенес тиф и знал изнутри братоубийственной войны.

Женовач подчеркнул внимателен ко всему, что дорого писателю. Учен эпиграф из Жуковского: «Бесмертье — тихий, светлый брег, / Наш путь — к нему стремленье. / Покойся, кто свой кончил бег!..». Строки из баллады, написанной в 1812-м, о доблестных воинах земли русской раскрывают благосклонность автора к своим героям и его

«Бег»

Сны
Михаил Булгаков
МХТ имени А.П. Чехова
Режиссер Сергей Женовач
Художник Александр Боровский
Свет: Дамир Исмагилов
Звук: Григорий Гоберник
В ролях: Яна Гладких, Мария Карпова, Андрей Бурковский, Михаил Пореченков, Ирина Пегова, Алексей Красенков, Артем Быстров, Анатолий Белый, Евгений Сытый, Игорь Верник, Павел Ворожцов и другие.

сочувствие белой эмиграции — тут цензоры правы. Режиссер чуток и к подзаголовку — «Восемь снов». Эти видения — жуткие, страшные, отчаянные, мучительные, соседствующие с балаганными, шутовскими, лихими — поставлены с учетом булгаковского самоопределения: «Я —

мистический писатель». Кажется, что отчаянные наваждения — удел трагического рассудок белохарднейшего генерала Хлудова, но — нет, в мучительный кошмар лихолетья погружены все.

Пространство сцены — беспросветный мрак. Александр Боровский возводит узкий высокий помост — железнодорожный перрон, телеграфный столб с оборванными проводами, который так напоминает и виселицу, и крест. Декорация будет поворачиваться, поднимать и опускать гигантские «крылья-лопаты». Образ вывихнутого века, перекрестка дорог, вздыбленного горизонта. На сквозняке окажутся поруганные дворцовые интерьеры Северной Таврии, шумная площадь в Константинополе, роскошь парижского особняка. Надломленная платформа усеяна телами — живыми и мертвыми. Из этого могильного смрада встают герои спектакля. Во втором действии здесь же развернется площадка для «тараканьих бегов» и карточной игры. Актеры не уходят за кулисы, а вновь ничком ложатся на погост, рядом с безмянными жертвами жестокой бойни, или проваливаются в темную дыру подземелья. Черным-черно от стен, шинелей, пальто, папах, бурок, башлыков. Тонированная звуками дышит устрашающая тишина, «организованная» композитором Григорием Гоберником. Тотальный ужас, крах Российской империи, бессмысленный и безостановочный бег по замкнутому пространству — то, что преследует в горячем бреду Хлудова. В роли заложника белой идеи, ради которой он без раздумий вешал и уничтожал, — Анатолий Белый. Зловещий и беспомощный, утративший Отчество, веру, понимание, смысл жизни. Его бьет лихорадка, невнятна речь, преследуют миражи, вновь и вновь перед ним возникает юный вестовой Крапилин (Алексей Красенков), чью жизнь он мимоходом погубил. Разговоры с призраком и воспоминания, которые становятся реальнее происходящего, пробуждают болезненную совесть, приближают душевное расстройство, безумное иступление.

Любимец публики Михаила Пореченков играет бравого кавалериста, генерал-майора Чарноту — бесшабашно, обаятельно и броско, не экономя свой темперамент. В шу-

товском мелодраматизме второго действия он блистательно проводит картонную дуэль с миллионером Корзухиным (Игорь Верник), смачно, под хохот зрительного зала произносит: «А ты азартен, Парамоша!» Чарнота с издевательским прищуром внимает монологу о силе доллара, который со страстным убеждением выкрикивает Корзухин. Потеря Чарнотой штанов на «тараканьих бегах» воспринимается как бенефисный номер. Спектакль соткан из полярных сопоставлений. Страшная метафора — в «тараканьих бегах»: здесь не насекомые шуршат конечностями, а ползут, не отрываясь от платформы, несчастные потерянные люди.

Голубков Андрея Бурковского — не наивный утонченный юноша, хоть и «отвечает» за лирическую тему спектакля. Одержимый любовью к задумчивой, пожаловавшей из Серебряного века Серафиме, тонко сыгранной Яной Гладких, он, заблудившийся интеллигент, с легкостью, почти без сопротивления подписывает показания против любимой. Слаб человек на допросе, если его проводит бесцеремонный начальник контрразведки Тихий, уверенный в своей непобедимости (отлично представлен этот обаятельный подлец Павлом Ворожцовым).

Марево неумолимой большой истории накрыло и походную жену Чарноты, неунывающую отвору Люську. Ирина Пегова играет ее виртуозно и полнозвучно. Волею обстоятельств и по горячему желанию жить безбедно она отправляется в Париж, где попадает на виллу Корзухина. Последняя встреча с генералом и Люськина фраза: «Чарнота! Купи себе штаны!», произнесена с такой человечностью и болью, что вызывает эстетический восторг. Все рассыпалось, теперь выживают поодиночке. Жизнь сообщки не удалась, идея умерла, основы рухнули — и вновь — бег, бег, бег. Серафима и Голубков отправляются в Петербург в поисках потерянного времени, чтобы увидеть снег на Караванной и забиться под зеленой лампой в уютном кабинете. Только удастся ли? Колоритный жизнелюб Чарнота выберет путь паломника и в горьком финале балагур превратится в героя почти эпического. Хлудов остается одно — пуля в висок. Спасения и искупления грехов не досталось никому.

Медведь на оперу наступил

Александр МАТУСЕВИЧ

Самая популярная в мире русская опера «Евгений Онегин» вернулась в репертуар Большого театра России после двухлетнего перерыва.

Предыдущая версия Дмитрия Чернякова, появившаяся на Новой сцене в 2006-м, прожила здесь не очень долгую, но, в общем-то, счастливую жизнь: о ней много спорили (вспомним хотя бы демарш Галины Вишневской), на нее охотно ходили, ее осыпали всеми мыслимыми призами и наградами и в довершение записали для истории на видео. Но радикально режиссерскому спектаклю тяжело живется в репертуарном стационаре: многочисленные вводы — а певи в черняковском «Онегине» и наши, и приглашенные солисты, включая иностранцев, — и отсутствие авторского надзора неизбежно ведет к обветшанию постановки, утрате остроты, а иногда и первоначального замысла. В этом плане традиционные версии гораздо более живучи: в них проще существовать и импровизировать артистам, и хотя спектакли тоже стареют и видоизменяются, все дальше и дальше отходя от первоначального замысла, это не так бросается в глаза.

Владимир Урин решил, что театру нужен новый «Онегин», причем на этот раз — на главной сцене. Несмотря на то, что опера жила здесь всегда, начиная с премьеры 1881 года (первая профессиональная постановка состоялась именно в Большом), ставилась неоднократно, а количество показов исчисляется тысячами, интимный характер лирических сцен Петра Ильича, их известная камерность и глубокий психологизм, в общем-то, не очень подходят для циклопической коробки парадной императорской сцены. У того же Покровского, при всей неоспоримой гениальности его работ (постановка 1944-го, вторая редакция 1968-го, принципиально новая версия 1991-го и третья редакция первоначальной постановки в 2000-м), все равно получался спектакль большого стиля, пресловутая гранд-опера. Чего так чурался Чайковский и чего невозможно избежать, учитывая масштаб сцены и зала. Приглашенный сделать новую версию «Онегина» Евгений Арье, пару лет назад удачно дебютировавший здесь с «Идиотом» Вайнберга, неизбежно наступил на те же грабли.

И он решил действовать от противного. Огромную сцену Большого открыл максимально вглубь и освободил от всего лишнего: его «Онегин», по-существу, играет в пустом пространстве. В деревенских картинах — на очаровательном зеленом лугу, по которому гуляют гуси и куры, а после ухода няни Филипповны с заветным письмом к Онегину в восторге, иступлении и страхе катается в влюбленной кошкой Татьяна. В петербургских — в холодных пространствах чопорной столицы, неуютных и неискренних. Легкие кисейные занавеси по всему периметру сцены, колышущиеся и зыбкие, дают нужное настроение — меланхолии, романтики, поэтики. Вообще сценография Семена Пастуха — лаконичная, но очень выразительная, емкая и меткая — одна из немногих удач постановки. Равно как и ювелир-

ный свет Дамира Исмагилова, способный один поддержать дух этой неброской, но очень задушевной истории.

В плане режиссуры после премьеры осталось больше вопросов, чем ответов. Постановка по большей части иллюстративна, причем буквально и банально, отчего порой смешна — и декларация о намерении представить традиционную постановку проблемы не снимает. Но иногда режиссер словно вспоминает, что хорошо бы в век постмодерна показать зрителю что-то нетривиальное и необычное — тогда появляются странные вставки, которые опять же скорее веселят, чем кажутся оригинальными, и мало что добавляют в плане раскрытия смысла хрестоматийной истории. Спектакль в принципе не обременен какой-то большой идеей, глубокой мыслью, авторским видением.

Как всякий пришелец из театра драматического, он ставит скорее роман Пушкина, нежели оперу Чайковского, что, как известно, «две большие разницы». Оттого у него с избытком присутствует ироничный, если не гротесковый, пушкинский взгляд на историю — чего и близко нет в опере, чья музыка проста и сердечна. Именно поэтому приход крестьян в ларинскую усадьбу — это нарочитый лубок, фольклор на грани пародии — с пляшущими гигантскими гусями, козой, петухом и медведем. Хорошо, что хоть крестьяне не всумертьшь, как то было у Дмитрия Бертмана; зато беленькую методично киряют Ларина и Няня — такое мы, кстати, видели у Чернякова. Ларинский бал — сборище по-павлиньему разодетых провинциальных гостей (анилиновые костюмы Галины Соловьевой всех цветов радуги), Преминский — нарочито вычурный, претенциозно помпезный, с ломаной пластикой у миманса, говорящей о максимальной неискренности, изощренном лицедействе и вопиющей фальши великосветского общества.

К слову, похожего на всякие прочие постановки «Онегина» у Арье весьма много: бескритичные природные дали в деревенских картинах памяти по парижскому спектаклю Вяллы Деккера или стародавней нью-йоркской

работе Роберта Карсена, снегопад в финальной картине, когда последнее объяснение Татьяны и Онегина происходит на улице, почти у зимней Канавки (в этот момент всегда приходит в голову мысль, что постановщики перепутали оперы Чайковского), мы видели у Деборы Уорнер в спектакле Английской национальной оперы. Визуализацию фрейдистского сна Татьяны, который опять же есть у Пушкина, но отсутствует у Чайковского, с Онегиным-медведем — помним по спектаклю Андрея Жагарса в Латвийской национальной опере. Родство душ Татьяны и Ленского — это показано через их близорукость, приверженность очкам и текстам (Ленский их постоянно пишет — Татьяна ими упивается, читая) — в свое время оказалось самым пронзительным моментом габтовского спектакля Чернякова. Понятно, что оставаться совсем оригинальным в опере, заезженной на всех мировых сценах, не только русских, очень сложно, но очевидная вторичность идей уж слишком бросается в этой постановке в глаза.

Одно радует: постановка Арье не мешает звучать музыке и не мешает певцам петь. Важнейшее сосредоточено на авансцене, поэтому открытая коробка не съедает звук, артистам почти не нужно стоять на голове — вы-

чурных пластических решений для солистов не предусмотрено, абсурдные действия, противоречащие либретто, им совершать тоже не приходится. Поэтому их пение естественно и искренне — и оттого в целом весьма удачно. Большой смог выставить довольно крепкий состав певцов, причем обоим полностью собственными силами. Две же работы можно назвать без преувеличения выдающимися: свежий и яркий голос Анны Нечаевой в сочетании в природной красоте артистки дарит спектаклю изумительную Татьяну; благородная вокализация Игоря Голованцева, а также идеальное попадание психодизики артиста в роль делают его Онегина настоящим событием. Конечно, в этом заслуга не только певцов, но и музрука театра Туана Сохиева. Из всех его русских работ эта, пожалуй, самая удачная — лирика Чайковского ему близка, он ее чувствует и умеет раскрыть. Его оркестр звучит столь же органично и красиво, как и вокальные лидеры постановки. В чудесном динамическом и темповом разнообразии, с авторски выстроенной агоникой чувствуется отношение дирижера к партитуре, что дает спектаклю то, чего, возможно, не хватало ему как театральному продукту — искренности, простоты, лиризма и гармонии.

Борис Ключев: «Вторых лордов и третьих полицейских я переиграл достаточно»

1 **культура:** Вы служите в Малом полвека. Редкая удача для актера сразу попасть в «свой» театр.

Ключев: Для меня такого понятия не существует. Перебирать театры или режиссеров в поисках «своего» — не мой путь. Ну, нашел ты, даже, возможно, что-то успеешь сыграть, а потом режиссер из театра ушел или там изменилась творческая политика. И что дальше? Новый поиск с таким же ненадежным итогом? Глубинное содержание того, что играешь, мне всегда было интереснее внешней формы. Малый — это бессмертная классика, которая, как я со временем понял, и вылипла из меня настоящего артиста.

«культура: И что, ни разу не возник соблазн покинуть alpha place?

Ключев: Возник. И еще какой! Иннокентий Михайлович Смоктуновский, игравший в Малом единственный спектакль — «Царь Федор Иоаннович», где я тоже был занят, от имени Ефремова пригласил меня в Художественный театр. Три дня я везшился все за и против, прекрасно понимая, что приглашение сулит лучезарные перспективы в творчестве и вполне осязаемые материальные блага. И все-таки отказался. Как показало будущее, интуиция меня не подвела.

культура: В отличие от большинства артистов Вам не пришлось годами бегать в массовке.

Ключев: Ну, гостей на балу, вторых лордов и третьих полицейских я тоже переиграл немало. Но, правда, первую заметную роль — в пьесе Константина Симонова «Так и будет» — Леонид Викторович Варпаховский доверил мне уже на второй сезон. Видимо, что-то такое он во мне разглядел еще в училище — наш дипломный спектакль «Варвары» он смотрел дважды и вскоре пригласил меня в театр. Борис Бабочкин дал мне Кудряша в «Грозе», но самым суровым испытанием стал для меня Замыслов в «Дачниках», когда Борис Андреевич решил ввести в спектакль нескольких молодых артистов.

Моей партнершей была Быстрицкая, уже окутанная немалой славой «Тихого Дона». Первую репетицию — сцену свидания у стога — не забуду никогда: мне предстояло не только поцеловать ее, но еще и завалить в этот самый стог. Я жутко переживал, был совершенно зажат — характер у Элины Авраамовны был очень непростым, и если бы ей что-то не понравилось, она просто отказалась бы со мной играть. А тут еще не занятые в сцене коллеги от души юморят, предлагая показать, как надо играть любовную сцену. Но случилось чудо — мы с ней как-то поладили. Уже потом я узнал, что ей одна давняя поклонница после спектакля сказала, что на

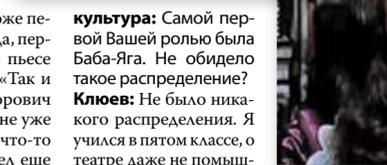
моем фоне она — такая хрупкая и изящная — прекрасно смотрится.

культура: В актерскую профессию Вы пошли по стопам отца?

Ключев: Отчасти, ведь прямого примера перед глазами не было — мне было четыре, когда его не стало, детская память мало что сохранила. Мне очень его не хватало: мать не всегда может дать сыну разумный совет, ведь у женщин преобладает эмоциональный взгляд на мир. Отец окончил Шкукинское училище и вместе с курсом уехал в Комсомольск-на-Амуре, в маленький гарнизонный театр. Вскоре началась война, он, несмотря на слабое сердце, ушел в ополчение, потом работал во фронтовых концертных бригадах, и к тому времени, когда жизнь вернулась в мирное русло, он уже был серьезно болен. В свои тридцать с небольшим он просто не успел состояться как артист. Перебирая его сценические фотографии, понимаю, что он обладал потенциалом, на раскрытие которого ему просто не было отпущено времени.

«Двадцатый век начинается»

«Д'Артаньян и три мушкетера»

культура: Самой первой Вашей ролью была Баба-Яга. Не обидело такое распределение?

Ключев: Не было никакого распределения. Я учился в пятом классе, о театре даже не помышлял. Хотел стать капитаном дальнего плавания и носить красивую форму. Много лет спустя на съемках «Моонзунда» мечта, можно сказать, сбывалась. А тогда ко мне на перемене подошел пионервожатый и попросил помочь третьеклашкам сыграть кукольную сказку — Баба-Яга у них заболела. Текст учить было некогда, пришлось импровизировать. И меня, что называется, понесло. Сюжет полетел к чертям, зато успех шестелел кровью за спиной. Впрочем, эйфория длилась недолго, отцовские гены пробудились во мне несколько позже.

культура: Когда сыграли черта первого разряда у мамы легендарной Валентины Серовой?

Ключев: Вот-вот! Клавдия Михайловна Половикова, замечательная актриса, поставила у нас в школе «Чертову мельницу» — веселую комедию по мотивам сказки чешского драматурга Яна Арды. Мы с моим другом и однокурсником Мишей Шабровым, автором «Лаванды», до сих пор с удовольствием вспоминаем

«Перед заходом солнца»

Герхарт Гауптман
Малый театр
Режиссер: Владимир Бейлис
Художник: Борис Мессерер
В ролях: Борис Ключев, Игорь Петренко, Елена Харитонова, Полина Долинская, Максим Филатов, Ольга Абрамова, Алексей Фаддеев, Ирина Леонова, Ольга Чуваева и др.

это время — в нас, ничем, кроме спорта, не интересовавшихся, впервые проснулось тяга к искусству. Я записался в драмкружок Домжурка, где повсюду шли репетиции пьесы известного журналиста Семена Нариньяни «Опасный возраст», ставшей весьма популярной после спектакля в Театре им. Ленинского комсомола. А в школе мы с Мишкой слыли мастерами скетчей — сначала черпали их из брошюры серии «В помощь самостоятельности», потом стали придумывать сами — ни один вечер без нас не обходился. Я осмелев, вошел во вкус и поставил «Каменного гостя». Это было безумно смешно: взятые напрокат костюмы сидели на нас кое-как, а

гда я ее слышал. А курс-то был замечательный: Женя Стеблов, Боря Хмельницкий, Настя Вертинская, Инна Гулая. Мне дали справку о сданных экзаменах и отпустили с миром. Я рванул в Школу-студию, но там уже набор закончили. Меня ведут к ректору, и Вениамин Захарович Радомысленский долго говорит о том, как трудно к ним поступить, а я тут с наскока хочу прорваться. Не знаю, что на меня нашло, но я сказал, что все понял, повернулся и ушел. Ну, откуда мне было тогда знать, что

«ТАСС уполномочен заявить...»

мы на полном серьезе играли пушкинскую драму. Убив своего противника, я прочувствованно произносил: «И кровь нейдет из треугольной ранки», а тот лежал на сцене с голым пузом — камзол при падении задрался. Все, что стояло за кулисами, просто давили смехом.

культура: Мама одобрила Ваше намерение стать актером?

Ключев: Нет, конечно. Убеждала, что надо получить серьезную профессию. Но я стоял на своем. Хотел учиться в Шкукинском, как отец, хотя поступал, как и все, везде. Прошел туры и в Школу-студию, и в «Шуке». Выбор был очевиден. Сдал экзамены, жду зачисления. Но вместо этого меня и еще троих ребят вызывают к ректору, и Борис Евгеньевич Захава сообщает, что у нас равные результаты, но взять он может только одного и называет фамилию. По правде говоря, это был первый и последний раз, ко-

гда я ее слышал. А курс-то был замечательный: Женя Стеблов, Боря Хмельницкий, Настя Вертинская, Инна Гулая. Мне дали справку о сданных экзаменах и отпустили с миром. Я рванул в Школу-студию, но там уже набор закончили. Меня ведут к ректору, и Вениамин Захарович Радомысленский долго говорит о том, как трудно к ним поступить, а я тут с наскока хочу прорваться. Не знаю, что на меня нашло, но я сказал, что все понял, повернулся и ушел. Ну, откуда мне было тогда знать, что

страивать трактовку образа все сложнее — требования к себе растут. А еще ведь нужно, чтобы и зритель ее принял. Мне было очень интересно играть короля Людовика в «Кабале святош», хотя роль небольшая. Следующим этапом стал Арбенин. Я сам предложил поставить «Маскарад». И вдруг испугался — смогу ли. А потом понял — сейчас или никогда. Очень сложно давалась мне эта роль — никогда прежде не играл личность такого масштаба. Однажды накатило такое отчаяние, уже думал отказаться. Немалых сил стоило взять себя в руки. Когда мы играли «Маскарад» на сцене Александринки, в примерной, которую мне предложили, на стене висел портрет Юрия Юрьева, первого исполнителя роли Арбенина на русской сцене. И вот теперь — Маттиас Клаузен, о котором тоже давно мечтал, не решаясь подступить. Такие роли помогают поверить в себя, осознать степень своего мастерства — об этом не принято говорить, но это так.

культура: Пьеса идет в переводе, сделанном Виктором Ледеёвым в начале 2000-х. В чем его отличие от хрестоматийного?

Ключев: Он не столь академичен, зато лаконичнее и жестче. В спектакле, поставленном в свое время Леонидом Хейфецем, было больше философии, подчеркивалась атмосфера надви-

костюмов, ни от антуража. Мы все были чертовски молоды — в пределах тридцатника с небольшим. При этом и старшее поколение было все как на подбор — Лев Дуров, Олег Табаков, с таким же молодым задором. На площадке царил то бесшабашное хулиганство, которое сыграть невозможно! Ну, и конечно, великолепная музыка Дунаевского. Такой теперь для кино не пишут.

культура: Судьбе было угодно приводить Вас в картины по-настоящему культовые. Какое было играть Майкрофта Холмса — человека, без совета которого не принимает ни одного решения сама королева Виктория?

Ключев: Спасибо Игорю Масленникову, рискнувшему снять детектив без идеологической подоплеки. Мне Майкрофт был очень интересен — там есть второй план. Он не просто анализирует происходящее, а смотрит на мир чуть отстраняясь. Он и на любимого брата, и на королеву Викторию смотрит чуть свысока, поскольку ему ведомы те пружины, которые на самом деле двигают миром. И особенно это видно в последнем фильме — «Двадцатый век начинается». Но в его снисходительном «малычик мой» — неисчерпаемая нежность к младшему брату, которого он до конца своих дней будет опекать по праву старшего.

культура: Что думаете о современной версии приключений великого сыщика, придуманной «Би-би-си»?

Ключев: Не хочу сравнивать — это абсолютно разные вещи. На мой взгляд, к шерлокиане это не имеет никакого отношения, потому что герои лишены того зазора, которым надела их когда-то автор. Если изменить имена персонажей, никому и в голову не придет, что это — Котан Дойл.

культура: Есть в Вашей биографии еще одна отрицательная роль, подарившая огромную зрительскую популярность, — Сергей Дубов в «ТАСС уполномочен заявить...» Не задумыва-

лись над природой отрицательного обаяния?

Ключев: Мы с Сашей Белявским на эту тему много разговаривали. Он ведь сыграл множество ролей, а у зрителя первая ассоциация — Фокс из «Места встречи». Почему? Как ни объясняй, непонятно. А насчет Дубова я долго сомневался, нужна ли мне эта роль, негодяев к тому времени уже наигрались. Верх взял принцип, которому следую всю жизнь: не дают играть то, что хочется, и играют, что дают. И по мере того как я вгрызался в роль, становилось все интереснее. У режиссера Владимира Фокина была даже идея сделать отдельную серию про историю предательства. Очень хотелось понять, почему Дубов, у которого было все, о чем только в те времена можно было мечтать, — положение, зарплата, машина, загранкомандировки, — пошел на вербовку. Жаль, компетентные органы не разрешили. А поработать с этим моральным урожаем было бы очень интересно.

культура: Своя версия у Вас есть?

Ключев: Вербовала его Пилар и, видимо, всерьез зацепила в нем мужское начало. Ведь это по советским меркам он был удачником, а для нее — ничего особенного. Каждый, кто тогда попадал за границу, видел, что там совсем другая жизнь. Думаю, он хотел со временем перебраться за кордон и доказать ей, что он чего-то стоит. Потому он и разделился с Ольгой Винтер, как с необходимым свидетелем, ведь где-то там была Пилар. Ну и, конечно, неадекватное восприятие собственного интеллекта. Нам показывали выдержки из дневника реального Трианона. Там были комментарии к «Семнадцати мгновениям». Прочитав их, Вячеслав Васильевич Тихо-

нов только и смог сказать: «Какая сволочь!» Заую шутку с Дубовым сыграло чувство собственного превосходства.

культура: Вы общались с «куратором» настоящего Трианона?

Ключев: Конечно! Полковник Петрухин консультировал картину. Это же была идея Андропова — сделать фильм о том, как действует советская контрразведка. Юрий Владимирович пригласил к себе Юлиана Семёнова, попросил написать сценарий. Тот, ясное дело, согласился. Его допустили в архивы, он работал с реальным делом и многое оттуда позаимствовал. Его даже журили за излишнюю «документальность». Я тогда впервые осознал, что «параллельная» война идет не в кино, а на самом деле. Как-то мы с другим консультантом — Вячеславом Кеворкяном, кстати, прототипом героя Юрия Соломина, ехали в их служебной машине на съемку. Зашел разговор, не слышим ли много выдуманного в фильме, и тот включил служебную студию. Из динамика голос: «Штангист» сел в машину у студии Горького и движется в сторону проспекта Мира». Мы сначала засмеялись, а потом сообразили — все действительно всерьез. Потом мне жизнь подкинула еще одно доказательство. Въезжаю в туннель на Садовом кольце около американского посольства и вдруг вижу, как впереди машина с дипломатическими непонятно почему врезается в другой автомобиль. Не сильно, но так, чтобы перегородить полосы. Все выскакивают, начинают костерить дипломатов, которые позволяют себе в пьяном виде садиться за руль, а я замечаю, как в глубине скрывается еще одна дипломатическая машина. И понимаю, никакая это не пьяная езда, а операция по отсеканию «хвоста», пусть и не слишком умело проведенная.

культура: Вы сыграли немало реальных исторических персонажей — Аракчеева, Михаила Воронцова, Григория Орлова. Как готовитесь к таким ролям? Штудируете историческую литературу или опираетесь только на контекст, заданный автором пьесы или сценария?

Ключев: Ну, не штудирую, но читаю что-то непременно, понимая, что далеко не все смогу использовать в работе: фильм или спектакль — все-таки не исторический документ. По правде говоря, реальные личности дают мне много, а я как-то сразу влезаю в их внутреннюю логику. А остальное — манеры, умный, ироничный взгляд — просто вытаскиваем из «потайного карманчика» и надеваем.

культура: Вы для режиссеров актер сложный?

Ключев: Если режиссер попадет не слишком подготовленным, то, наверное, да. Порой ведь не могут элементарных вещей не сделать. Когда-то я очень переживал по этому поводу, потом успокоился: зачем тратить нервы? Возьми и сам разберись. Никогда не забуду первый съемочный день у Масленникова. Репетируем сцену. Он молчит, никаких указаний-замечаний. Подождо, спрашиваю, все ли правильно мы сделали, а он мне в ответ: «Я учился режиссуре, а вы — актерству. Давайте каждый будет делать свое дело».

культура: Как удается распределять силы в диапазоне от Арбенины до Воронина?

Ключев: Я не люблю снобистского отношения к профессии. Профессионал должен хорошо делать свою работу, какой бы она ни была. Если роль кажется тебе такой уж недостаточной — не берись, а уж взялся — будь добр, выложись по максимуму. В нашем деле многое зависит от случая. Во время съемок «Шерлока» меня попросили сняться в крошечном эпизоде в «Паганини». Работы — на день, а у меня как раз выходной намечался. Правда, накануне, после трудного дня, мы очень дружно посидели с коллегами, и утром я был не в самой лучшей форме. Но обещал же. Волю в кулак — и на площадку. Сцену сняли. Можно расслабиться. Но вдруг я понял, что можно сыграть иначе. Прошу еще дубль. Потом третий. Крошечный эпизод! Но он потом пошел на глаза режиссеру, который пригласил меня в свою картину на главную роль.

культура: Человек, живущий так ярко и насыщенно, наверняка знает секрет преодоления жизненных трудностей. Не поделитесь?

Ключев: С удовольствием. Он, кстати, прост — только вперед!

ФОТО: СТАНИСЛАВ ТИХОМИРОВ/ТАСС

ФОТО: СЕРГЕЙ САВСТЬЯНОВ/ТАСС

ФОТО: СЕРГЕЙ САВСТЬЯНОВ/ТАСС

Ксения Дудникова:

«Если держать голос в форме, можно петь девочек хоть до пятидесяти»

В парижской Опере Бастилии прошла премьера «Кармен» Жоржа Бизе. Заглавную партию исполнила меццо-сопрано, солистка Московского академического театра К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко Ксения Дудникова. С известной певицей пообщался корреспондент «Культуры».

культура: Вы успешно выступали на многих мировых площадках. Настала очередь главной парижской сцены. Как проходит крещение Бастилией?

Дудникова: После Ольги Бородиной я вторая из русских меццо-сопрано, кто осмелился исполнить эту роль в Париже. Выступать на родине «Кармен» — гиперответственно. С ума можно сойти.

культура: «Опера Бизе — шедевр, — писал Чайковский, — одна из тех немногих вещей, которым суждено отразить в себе сильнейшей степени музыкальные стремления целой эпохи. Лет через десять «Кармен» будет самой популярной оперой в мире». Петр Ильич не ошибся в своем прогнозе. Чем Вы объясняете исключительную популярность «Кармен» на протяжении полутора веков?

Дудникова: Ее история понятна всем и каждому в любую эпоху в любой стране. Кармен — персонаж очень харизматичный. Она способствовала популярности оперы во всем мире. Кстати, сначала в России ее исполняли на русском, а потом переучивали на французском. Но совсем не важно, на каком языке поют «Кармен».

культура: Каталонский режиссер Каликсто Бийот имеет репутацию авангардиста и хулигана. Подтвердил ли он это своей постановкой?

Дудникова: Спектакль живет своей жизнью и постоянно претерпевает изменения. Изначально в нем были какие-то хулиганские выходы, но потом они «нивелировались». Больше всего бросается в глаза эпизод перед третьим действием. На сцену выходит молодой человек, раздевается догола, ходит, похло-

ФОТОГРАФИИ ПРЕДСТАВЛЕНЫ ПРЕСС-СЛУЖБОЙ ОПЕРАЦИОНАЛ DE PARIS

пывает себя по бедрам и трясет гениталиями. Все выглядит довольно странно. Зритель смеется, а я сама долго пыталась понять, зачем это нужно. Наконец поняла. Он солдат, который мечтает стать тореадором. Его похлопывание по бедрам — это как бы вызов быку на дуэль. Но мне по-прежнему неясно, зачем он обнажается. В чем послыл.

культура: В чем особенность Вашей героини?

Дудникова: Для меня это не первая версия «Кармен». Я бы не сказала, что на сей раз моя героиня кардинально отличается. Однако если Александр Борисович Тител (главный режиссер оперной труппы Московского академического музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко. — «Культура») просил, чтобы в Кармен было меньше брутальности и больше женственности, то в Париже в ее характере больше жесткости. Нужно учитывать, что говорю постановщики. Но при этом я стараюсь их воспитывать. Артисту надо доверять. У меня свое видение этого персонажа. Мне кажется, образ Кармен опасен множеству клише — красная помада, черные локоны, стрелки Нефертити, руки в боки и так далее. Мне хотелось показать Кармен не как фам фатала, а

как обыкновенную женщину, которую можно встретить на улице. В жизни я скромная и зажатая, не имею ничего общего со своей героиней.

культура: Любую роль можно поставить с ног на голову. В современных спектаклях Дон Жуан был импотентом. Онегина и Ленского связывали нетрадиционные сексуальные отношения. Почему бы Кармен не изобразить девственницей или оголтелой феминисткой?

Дудникова: Я, слава Богу, с такими постановками дела не имела. Хотя есть спектакль австралийского режиссера Барри Коски, где Кармен появляется то в костюме обезьяны, то тореадора. Это выглядит дерзко. Может случиться, что однажды ее роль сыграет мужчина.

культура: В одном из интервью Вы вспоминали, как осваивали эротические сцены в постановке «Кармен» в Екатеринбургском оперном театре. Трудная задача?

Дудникова: Это был колоссальный вызов. Впервые находилась в таком, так сказать, тесном «контакте» с партнером. Поначалу было очень тяжело, но потом мне стало все равно. Потому что в спектакле мое тело принадлежит не мне, а зрителю. Но, несмотря на все страстные объятия и поцелуи, ничего «личного» ме-

жду певцами не происходит. Это эротика, а не вульгарная страсть. **культура:** Одновременно с Вами «Кармен» в парижской Опере-Гарнье сейчас идет спектакль Дмитрия Чернякова «Иоланта/Щелкунчик». Почему сегодня, как никогда, российские артисты так востребованы?

Дудникова: В этом нет ничего удивительного — у нас очень сильная школа. Например, на Зальцбургских фестивалях так много наших опер, дирижеров и исполнителей, что можно смело называть их «русскими сезонами».

культура: Как случилось, что в европейских театрах несравненно больше выходцев из провинции, чем из Москвы или Петербурга? Вы сами из Ейска, что в Краснодарском крае. Опера Бастилии привлекла к «Силе судьбы» Елену Стихину из города Лесного в Свердловской области, Ваш коллега по театру Дмитрий Ульянов, поющий в «Леди Макбет Мценского уезда», — из Челябинска, Михаил Тимошенко, занятый в «Дон Карлосе», из уральского села Камейкино...

Дудникова: Сама я уже 15 лет живу в столице и вижу, что у москвичей изначально слишком шикарные условия. Они избалованы, им часто не к чему стремиться. Нет стимула, чтобы расти, двигаться вперед. Напротив, ребята из глубинки пробивные — им надо всего добиваться. У меня не было возможности ездить на конкурсы, но зато я могла расти в своей стране.

культура: Как меняется опера в последние годы?

Дудникова: Раньше она воспринималась как исключительно эстетское искусство, а сейчас происходит демократизация, опера переживает подъем. Приходит новая публика. В этом есть заслуга и наших соотечественников. Например, Анна Нетребко стала настолько «всенародно любимой», что привлекла новую аудиторию.

культура: Вам ближе сильные личности типа Марфы в «Хованщине» или Амнерис в «Аиде»?

Дудникова: Марфу невозможно спеть, если полностью не погрузиться в образ. У меня в сцене га-

дания было ощущение какой-то неведомой силы. После я оказалась вся в крови, так как не заметила, что ведром изрезала себе руки. Я не призываю всех артистов так работать. Но сама живу на сцене без оглядки, неистово, «пою до крови». Банально говорить о «широте русской души», но западные исполнители выступают более «по-светски» — меньше движений, себя берегут. У нас же все на разрыв аорты. Аккуратно выйти на сцену и что-то изобразить — не для нас. Русские артисты — маленькие вулканы. Чтобы не угаснуть, нужно все время искать вдохновение.

культура: «В ней есть порода, в ней есть «рунность» большой кошки, пантеры, и столько силы, желания и свободы, — говорил о Вас Александр Тител. — До такой степени, что она выходит за границы, ни с чем не считается. Но в ней есть и пластичность, нежность, даже робость. Эта кошка умеет ластиться». Знаете себя в портрете?

Дудникова: В чем-то он прав. Но я бы не сказала, что я такая уж «крупная личность». Пока этого не заслужила. Мне свойственно быть мягкой и лояльной, избегать конфликтов. Наверное, сравнение с кошкой справедливо. Даже когда сильно хочется, не показываю коготки. Стараюсь сдерживаться.

культура: Вы впервые на парижской сцене в незнакомом коллективе. Бывает, что чувствуете себя неуютно?

Дудникова: Такая проблема у меня возникает редко — я человек коммуникабельный. Но меня поразило, какие изнеженные люди здесь работают. Все озабочены тем, чтобы, не дай Бог, не перетрудиться. Если видят, что я хоть чуть-чуть устала, сразу предлагают переодеть, выпить кофе или водички. Да, мы искренне, откровеннее, но грубее. Французы веселые, у них очень легкое отношение к жизни. Нам этого не хватает. Мы склонны все утяжелять, драматизировать. При этом Москва — мой дом, и я ее страшно люблю.

культура: «Стасик» остается альма-матер?

Дудникова: Наши отношения с Тителем со временем меняют-

ся. Он из меня сделал артистку, раскочал — этого не отнимешь. Правда, я не всегда согласна с его методами работы. Некоторые легкоранимые артисты не способны выдержать такого прессинга. Все зависит, насколько у тебя вынослив голос, насколько гибкая психика, держишь ли себя в форме, какие кульбиты можешь выполнять на сцене и петь при этом ровно.

культура: Вы выступаете и в Большом. Нет ли соблазна перейти в главный театр страны?

Дудникова: Когда приехала в Москву, то устроилась в хор Театра Станиславского, где проработала несколько лет. Я в нем выросла, он вся моя жизнь. Я очень благодарна Большому. Там часто говорят: «У нас постоянные интриги, а у вас в театре, наверное, счастье». На это отвечаю: «У вас просто санаторий. Чем меньше театр, тем больше всяких междусобойчиков». Не знаю, как дальше сложится судьба. Если для меня будет лучше перейти в Большой или в Мариинку, почему бы и нет?

культура: Вы человек амбициозный. Пытаетесь прыгнуть выше головы?

Дудникова: Самбизация у меня все в порядке. Я не стремлюсь быть лучшей. Быстрее, выше, сильнее — это не искусство, а спорт. Поэтому я и в конкурсах никогда не участвовала, не видела смысла. Занимаюсь своим делом, потому что не могу без него жить. Не имеет значения, получу ли я какие-то регалии, или нет. Самое важное — признание публики. Знаю многих артистов, достигших самых больших высот, которые жутко одиноки. А я хочу оставаться с народом.

культура: Редко говорят о роли агента в успехе певца. Нужна крутка таланта, чтобы он не пропал втуне?

Дудникова: У меня фантастический агент, американец Алаан Грин, он относится ко мне по-отечески. Его роль в моей жизни неоценима. Он помог мне, когда я ездил по разным странам и прослушиваниям. Тогда у меня не было денег даже на дорогу. Его протекция очень важна, но агент не выйдет за тебя на сцену.

культура: Помимо агента у Вас есть еще и талисман?

Дудникова: Да, моя девятилетняя дочь Ева. По-настоящему моя карьера началась с ее рождением. Голос окреп, верхние ноты встали куда надо. Ребенок полностью поменял мою жизнь. Все наладилось. Появилась работа, какие-то предложения. У нее самой хороший голос. Но она мне заявила, что никогда не будет петь. «Потому что не буду петь так, как ты», — сказала она.

культура: Не так давно Вас называли восходящей звездой. А сегодня она вззошла? Достигли зенита?

Дудникова: Я еще молодая. Мне 34, а меццо-сопрано расцветают только к сорока. Мне кажется, что я в начале пути, сделала только пару шагов. Очень хочу спеть Шарлотту в «Вертере», Далию в «Самсоне и Далиле», принцессу Эболи в «Дон Карлосе». У нас в России многие певцы живут как загнанные лошади и считают, что надо непременно реализоваться до 30 лет. Зачем спешить? «Гормональное наполнение голоса приходит только после сорока», — сказала мне одна меццо-сопрано из Большого. У каждого свой путь. Кто-то в 25 лет звезда и получил все свои «маски». У другого карьера идет в ином режиме. Если хорошая школа, если держат голос в форме, то можно петь девочек хоть до 50 лет. Так или иначе, опера молодеет, и это хорошо. Должна быть художественная правда.

культура: При таком графике ощущаете пресыщение сценой?

Дудникова: Я окончила музыкальную школу по классу фортепиано, но всегда хотела только петь. И это по-прежнему единственное, что мне никогда не надоест. Даже если болна или плохо себя чувствую. В плане репертуара я всеядна. Слушаю разную музыку — и джаз, и соул, и, как это ни смешно, попсу.

культура: Наверное, Ваша жизнь не укладывается только в оперные рамки?

Дудникова: У меня два увлечения. Первое — танцы, в том числе и латиноамериканские. Второе — работать со старой мебелью: реставрировать, плотничать, создавать что-то новое.

Полосу подготовил Юрий КОВАЛЕНКО Париж

Во Французской синематеке развернута уникальная выставка «Когда Федерико Феллини снял Пабло Пикассо». Здесь представлено около пятидесяти работ художника и рисунки режиссера. Одновременно в Синематеке проходит ретроспектива фильмов автора «Сладкой жизни».

Феллини рассказывал, что Пабло снял ему четырежды, всякий раз в момент кризиса. Впервые это случилось в 1962 году во время съемок «Восьми с половиной»: Федерико увидел во сне море. Впереди плыв человек. Когда он обернулся, режис-

К чему снится Пикассо?

сер узнал Пикассо, который звал его следовать за ним. Для режиссера это был знак свыше. В другом сне он вместе с женой Джульеттой Мазини сидел за одним столом с Пикассо и выслушивал его советы. Тот «по-отцовски» призывал его никогда не опускать руки.

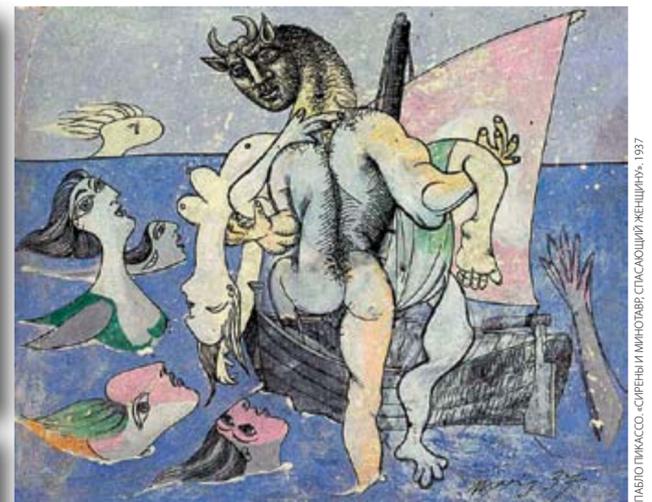
Столь нетривиальные сновидения Феллини психиатры объясняют тем, что испанский мэтр был для знаменитого итальянца не только величайшим живописцем, но и прообразом творца и демурга. Режиссер стремился быть на него похожим.

За толкованием загадочных грез Феллини обратился к известному психоаналитику и астрологу, последователю Карла Густава Юнга Эрнсту Бернхарду. Доктор предложил Федерико запечатлеть ночные галлюцинации на бумаге. Зарисовка сновидений продолжалась около 30 лет. В дальнейшем эти работы были собраны в «Книге моих снов», опубликованной после смерти режиссера. Беседы Феллини с психоаналитиком, утверждают биографы, повлияли на его творчество.

Отголоски голубого и розового периодов Пикассо заметны в фильмах «Дорога», «Маменькины сынки», «Ночи Кабирии». А в «Мошениках» художник-неудачник даже носит имя Пикассо. В творчестве двух гениев много общего. Начиная от тем и мотивов: оба частично изображали бродячих комедиантов, клоунов, арлекинов, наездниц, путан, дresseirovщиков и мелких ворюшек. Мэтр с нежностью снимал бордеи, в которых писатели, художники и режиссеры, по его словам, приобретали бесценный опыт: «В те дни отношение к публичному дому было несколько иное, чем сегодня. Он воспринимался как жизненная необходимость». Неисчерпаемым источником вдохновения служили они и для Пикассо — вспомним хотя бы знаменитых «Авиньонских девиц» (первоначальное название «Философский бордель») или серию эротических офортов к рассказу Мопассана «Заведение Телье». Схожи и некоторые жизненные обстоятельства.

Например, в 1967 году волею случая Феллини поселился в Риме на улице Маргутта, 110, — в том же самом доме, где за полвека до этого располагалась мастерская молодого Пабло. Но и на этом совпадении не заканчиваются.

Так, Федерико с юных лет проявил себя замечательным рисовальщиком. В 19 лет создавал карикатуры для юмористического еженедельника «Марк Аврелий». В кино он дебютировал

лишь в 1945 году в качестве помощника сценариста в эпохальной ленте Роберто Росселлини «Рим — открытый город», которая положила начало итальянскому неореализму и дала путевку в кинематограф будущему классику. В «Интервью» и в других картинах, полагают искусствоведы, режиссер использует камеру как кисть или карандаш.

В свою очередь Пикассо всегда живо интересовался кино: с удовольствием позировал профессионалам и снимал на любительскую камеру. В своей мастерской в средиземноморском Валло-рисе вместе с Федерико Россифом художник выступил в роли режиссера — снял фильм «Смерть Шарлотты Корде». К сожалению, пленка утеряна, осталось лишь несколько фотографий. Остается загадкой, почему два мэтра так и не встретились. Скорее всего, никто не хотел делать первый шаг. «Я видел его всего один раз, в Канне во время показа «Ночи Кабирии», — вспоминал Феллини. — Я был тогда с Сиенноном, который собирался нас представить друг другу, но Пикассо задержался в толпе. Тем не менее, я успел заметить его глаза: цвета темного каштана, пронизывающие, словно лазеры».

Встретились на «Птичьем рынке»

Дарья ЕФРЕМОВА

В «Редакции Елены Шубиной» («АСТ») вышел «Птичий рынок». Сборник продолжает традиции бестселлеров «Москва: место встреч» и «В Питере жить».

Рассказы о всякой живности — от всеми любимых собак и кошек до экзотических медуз и лобстеров — созданы известными писателями. Есть здесь и лобстер Себастьян, живший в аквариуме и ставший другом Татьяны Толстой, и медуза-креветник, ужалившая Василия Авченко в Амурском заливе. А еще — чайка, силой воображения Григория Служителя ставшая компаньонкой Ольги Книппер-Чеховой.

Чайки фигурируют и в рассказе Сергея Носова «Птицы СПб». Диковато кричащие, они гордо расхаживают по помойкам, не теряя достоинства, дерутся за еду на канале Грибоедова. Впрочем, типичные обитатели Северной Пальмиры и в известном смысле тоже петербуржцы — хитроумные вороны. Не случайно одной из них стоит памятник в Летнем саду — еще не уронившая сыр, она составляет компанию бронзовому Крылову. Впрочем, если бы вороны могли ставить памятники людям, рассуждает автор, они бы выбрали художника Куинджи. «И не потому, что Куинджи так любил писать птиц (это в его творчестве далеко не главное), а потому, что просто их любил — сильно и беззаветно. ПERNATые знали: по сигналу Петропавловской пушки (то есть ровно в двенадцать) надо лететь на угол Биржевого переулка и Тучковой набережной — там, на крыше, рядом со своей мастерской, он будет ждать их с овсом и белым хлебом».

Птицы, звери и даже безмолвные рыбы, не говоря уж, конечно, о псах и котиках, оказываются не просто жизненным фоном. Каждое пересечение в бытийном смысле встреча, иногда соперничество, порой дружба и почти всегда любовь...

«Любовь, помнится мне, — вид болезни. Липкий туман в голове и головастая бабочка в желудке. Злость, недоверие, ревность и бескрайний эгоизм: твое счастье в чужих, да еще и малознакомых руках, — пишет Александр Генис. — Однако кроме обычной любви есть еще и нечеловеческая. Могушая и безусловная, она не торгуется, ничего не требует и все прощает. Так, — говорят мне одни, — Бог любит человека. — Так, — говорят мне другие, — человек любит Бога. — Так, отвечу им, не таясь, — я любил своих котов».

Косогазый котенок из «хорошей, но не полной семьи» (он родился у кошки Муси, стоавшейся в детском саду), выросший в роскошном гофманьянском котятнике по имени Мусин, на целых шестнадцать лет стал

другом и соавтором Евгения Водолазкина. При первых щелчках клавиатуры он прибежал, требуя поставить рядом стул. «Вообще говоря, современную литературу он оценивал совсем неплохо, — вспоминает хозяйин о своем «питомце», — вершин, равных «Коту Мурру», он в ней не видел, но ему ка-

залось, что после беспокойных девяти лет она начинает вырывать в нужном направлении. Наши с ним вкусы в целом совпадали. После того как роман «Путь Мури» получил «Нацбест», его взгляд на литературный процесс стал еще более оптимистическим... Вспоминается в тенденции развития литературы, Мусин решительно указывал на сходство поэтики постмодернизма с поэтикой средневековой. Из наших с ним бесед впоследствии родилась статья «О средневековой письменности и современной литературе». По цензурным соображениям она была опубликована только под моим именем».

Есть в сборнике и курьезные случаи с животными, например, в рассказе Романа Сенчина о мальчике Гордей, сосланный на лето в деревню к тетке Татьяне, принимала козла за заколоченного отца, а все потому, что мама говорила:

— А папа кто? Козел с бубенчиком. Где он? Пасется...

Григорий СЛУЖИТЕЛЬ, актер СТИ, автор книги «Дни Савелия»: — Когда Елена Шубина предложила написать рассказ для сборника «Птичий рынок», я, с одной стороны, обрадовался, а с другой — понимал, что возникнут определенные сложности. Дело в том, что после книги «Дни Савелия» ко мне довольно часто обращаются с просьбой написать рассказ или эссе про животных. Но я хотел бы немного абстрагироваться от чисто зоологической темы. Не хотелось входить в одну воду дважды и писать всю жизнь только про котиков. Поначалу идеи были самые разные, начиная от судьбы мух, попавшихся на липкую ленту, до истории, связанной с бронзовыми собаками на станции «Площадь Революции».

Параллельно возникло предложение написать рассказ к 120-летию МХТ. Я внезапно очень легко придумал историю об Ольге Леонардовне, о ее несуществующем путешествии по Волге в 38-м году. Решено это было через образ чайки. Она стала очень важным вспомогательным персонажем. Рассказ получился, правда, очень маленький, иначе его невозможно было бы прочесть со сцены. Потом я подумал, что ничто не мешает мне усилить присутствие чайки. Рассказ получился, скорее, психологический. О большой артистке, вдове моего любимого писателя, со всеми ее сложностями и противоречиями. Я попытался рассказать об их отношениях через образ этой птицы. Но мне кажется, что мой текст не противоречит идее сборника, так как он в первую очередь о любви. Каждый, кто взялся описывать то или иное животное для этой книги, в первую очередь говорит о любви. Почему мы так привязываемся к животным? Совсем не потому, что они такие милые и симпатичные. Они напоминают человеку о том, каким бы он хотел быть. Напоминают о человечности.

Когда кто-то рассказывает о своем питомце, то не позволяет себе ничего проходного, он говорит только о самом важном. Это чувствуется. Мне очень понравился рассказ Дмитрия Воденникова о таксе Чуне, Евгения Водолазкина про кота, текст Тани Соловьевой про двух улиток Дживиса и Вустера. Очень хороши две сказки Евгения Некрасовой.

Книга во многом именно о той привязанности, которую мы испытываем к нашим любимцам. И неважно, кто это — лобстеры, собаки, кошки, лисицы, козлы или ослы. Важна энергия, которую человек получает от животных. С ними человек становится немножко лучше. Свою жизнь я без них не представляю. Например, в Крапивненском переулке у меня целый прайд на попечении: котов десять. Я за ними слежу, кормлю, меняю воду, у меня перед ними социальные обязательства. Мне вообще кажется, что сейчас главная проблема — не какие-то политические коллизии, а сохранение всего живого на планете.

Я знаю, какой путь звери проходят, как им тяжело. Люди идут по жизни с «закрытыми» глазами, они не хотят обращать внимание на всякую живность, и без того много проблем. Государство тоже пока бездомным животным не очень помогает. Например, если ты видишь животное, попавшее в беду, тебе некуда обращаться, кроме как к знакомым волонтерам. И хорошо, что сегодня их становится все больше.

Записала Ксения ПОЗДНЯКОВА

Трудности передержки

ФОТО: СТАНИСЛАВ КРАСНИЛЬНИКОВ/ТАСС

Люди, готовые приютить чужих питомцев, называют себя «зоонянями». Марина долго рассказывала Ольге о безмерной любви к четвероногим, предложила приехать и заранее ознакомиться с условиями размещения.

Боня — домашний кот. Раньше в случае необходимости отдавали его родственникам. К ним он привык, а вот чужих по обыкновению воспринимает плохо, — делится Ольга. — Но Марина действительно произвела впечатление человека адекватного. У нее довольно чистая квартира, при этом одновременно на передержку берет не более одного питомца. Кот прожил у Марины неделю, каждый день хозяйка высылала фотографии, писала, что все в порядке. Однако, забирая Боню, я обнаружил, что у него сломан хвост. Попытки выяснить причину ни к чему не привели — зооняня настаивала, что принимала кота уже с увечьем. Соседи же Марины сообщили, что девушка пока не лада со своим благоверным, и наш Боня попал под горячую руку в ходе семейной ссоры. К тому же, как выяснилось, хозяйка в погоне за прибылью часто набирает сразу несколько собак и кошек, которые не всегда между собой ладают.

Соседям следует обратиться в правоохранительные органы, обычно участковый немедленно реагирует на такие истории. А если нарушаются санитарно-эпидемиологические нормы помещения, нужно идти в госсанэпиднадзор, — советует директор благотворительного фонда бездомным и безнадзорным животным «Республика Друг» Игорь Молоков.

Жалобы на горе-зооняню в техподдержку сервиса, где она размещает рекламу, результата не дали. Там, к слову, сейчас много похожих предложений: цена вопроса от 100 до 800 рублей в сутки, сумма зависит от размера животного. На вопрос «Культура?», заключается ли гражданско-правовой договор, несколько зоонянь ответили, что «ничего не подписывают», берут питомцев под свое честное слово.

Больше, чем вещи

Между тем недавно открылась общедоступная горячая линия по защите животных — телефон легко найти в интернете. Однако звонки принимает колл-центр, расположенный в... Курске.

Горячая линия работает пока в тестовом режиме и только в нашем городе. По мобильнику получается дозвониться со всей страны уже сейчас, но вот отработать сигналы из других регионов мы не сможем. В лучшем случае дадим совет, подскажем, куда обратиться, — объясняет депутат Курского городского собрания Дмитрий Гулиев. — Зато в пределах нашей области оказываем реальную помощь. Пишем необходимые обращения, я готовлю депутатские запросы, а если ситуация требует немедленного вмешательства, к примеру, где-то замуровали животное, разбираемся сразу.

По словам Дмитрия, звонить на горячую линию с требованием покарать обидчиков Бони бесполезно. Статья 245 УК РФ гласит: крупный денежный штраф (до 80 000 рублей), исправительные работы либо лишение свободы на срок до трех лет присуждаются за жестокое обращение с животным, повлекшее его гибель или увечье. Однако доказанной целью мучителя дол-

жно быть именно желание причинить боль и страдания. Доказать же умысел в нашем случае вряд ли удастся. Уже того, даже когда все очевидно и есть свидетели, наказать преступника совсем непросто.

До принятия ФЗ «Об ответственном обращении с животными» в декабре 2018-го четвероногие рассматривались лишь как имущество. Если вашей собаке или кошке причинили вред, нужно было доказывать, что нарушены нормы содержания этого «имущества», но таких норм не существует. Либо требовалось засвидетельствовать умышленно жестокое отношение к четверономому, но понятие жестокости оставалось крайне размытым, — комментирует Игорь Молоков. — Новый закон определяет животных уже не как вещь, а как существа, способные испытывать эмоции и физические страдания, к тому же дает исчерпывающее определение жестокого обращения. Но правоприменительной практики в этой области пока нет, поэтому полиция старается отпихнуть подобные дела. Если обидчиков животных и наказывают, то чаще по другим статьям.

Девушки, ставшие известными как «кабаровские живодерки», получили непосредственно за жестокое обращение с животными по 150 часов обязательных работ. А основные их сроки — четыре и три года тюрьмы — связаны с другими статьями: разбой, унижение человеческого достоинства, возбуждение ненависти и вражды.

В соответствии с ФЗ «Об ответственном обращении...», предпринимательская деятельность, связанная с домашними животными, в нашей стране запрещена. Исключение — юриция или ИП, соответствующие ряду определенных критериев. Выходит, многие квартирные передержки существуют на полуправильном положении: рано или поздно их содержание будут наказаны за незаконную предпринимательскую деятельность и неуплату налогов.

Закон принят не так давно и пока просто сырой, сейчас к нему готовятся различные подзаконные акты. Вот почему он еще не заработал в полную силу, и массово никакие меры в отношении домашних передержек не применяются, — добавляет Дмитрий Гулиев. — Когда необходимо временно пристроить питомца, разумнее обращаться в официально зарегистрированные зоогостиницы. Только не забудьте просмотреть отзывы клиентов и заранее оценить условия для пребывания братьев меньших, — советует активист Движения зоозащитников России Наталья Коробейникова.

Стандарт для Барсика

При онлайн-бронировании номера в зоотеке BookingCat на электронную почту приходит договор на оказание услуги по временному содержанию животного. Так, в случае причинения вашему любимцу травмы по вине работников гостиницы руководство обязуется возместить стоимость лечения в ветеринарной клинике.

Поднимаюсь на третий этаж небольшого офисного здания. На входе в отель меня просят надеть бахилы и провоняют вдоль высоких прозрачных боксов из закаленного стекла — этот материал наиболее устойчив к запахам и легко моется. Внутри — «номера» для кошек: категории «эконом» площадью около двух квадратных метров и «стан-

дарт» — в два раза больше. Туда устанавливаются лоток, миска для воды и корма, другие вещи и игрушки, привезенные из дома, чтобы питомцу было проще адаптироваться.

Перед приемом мы определяем, сделаны ли животному необходимые прививки, проводим ветеринарный осмотр на наличие инфекционных заболеваний. Если выявляем, имеем право отказать. Такие случаи были, — подчеркивает котоняня и ветеринарный фельдшер Алина Голубева.

Сейчас в отеле всего два постояльца — шотландский вислоухий Смоки и породистый Барсик. «Шотландец» проживает в «эконом» за 400 рублей в сутки. В стоимость входит уход ветеринарного врача с 9 утра до 9 вечера, кормление, уборка номера, игры, фотоотчет. Барсик даром что «дворянка», а за 700 рублей получает то же самое плюс круглосуточное видеонаблюдение для хозяев через специальное приложение в смартфоне.

В оба пакета не входит питание — клиенты обычно привозят с собой сухой корм или, например, сырое мясо, или что-то еще, к чему приучен питомец, — поясняет котоняня. — Миски и лоток также можно купить у нас за дополнительную плату.

На «номере» Барсика висит стикер с надписью: гладить и говорить «мой хороший». Бывают и более неожиданные пожелания.

Как-то у нас проживал мейн-кун Морисон. Пока он ел сырое мясо, требова-

лось к своим четвероногим словно к детям. Без отпуска, конечно, никак нельзя, но сердцу не прикажешь, болит оно. А у нас человек получает возможность постоянно наблюдать за своим котом, — говорит Алина Голубева. — Бывает, владелец заметит с черноморского курорта, что миску передвинuli чуть в сторону, и сразу начинает бомбардировать отел емейлами или звонками...

Если хозяин не хочет отдавать любимца в гостиницу и боится нарваться на недобросовестную зооняню в Сети, имеет смысл воспользоваться специальными сервисами, помогающими подобрать «домашнего» догситтера. Вы будете защищены договором и в случае проблемы сможете обратиться в поддержку. В договоре сервиса «Догси» есть пункт: «Догситтер обязан в случае заболевания или травмы обеспечить лечение животного и за свой счет осуществлять медицинские процедуры, не требующие квалифицированной медицинской помощи».

А как же быть с тем, что ФЗ «Об ответственном обращении...» запрещает открывать приюты в жилых помещениях?

Закон регулирует содержание приютов для тех животных, у которых нет хозяев. Мы же работаем по договору, согласно которому догситтер становится временным владельцем животного, — поясняет гендиректор сервиса Михаил Репников. — Подчеркну, мы не сотрудничаем с зоонянями, практикующими массовую передержку, только с

ФОТО: PHOTOPRESS

он молодец! Иначе его невозможно было накормить, — смеется Алина. — Скоро заедет кот породы сфинкс, его нужно почаще укрывать пледом. Мы уже привыкли к таким просьбам. Отель принимает не только кошек, но и мелких грызунов, птиц и кроликов, а вот собакам вход воспрещен — чтобы не создавать лишний стресс для остальных постояльцев.

Сложности возникают даже когда привозят птиц, ведь животных отдают друг от друга стеклянные перегородки, и кот может захотеть поиграть с птичкой, начнет нервничать, — жалуется Алина.

Сейчас в гостинице царит тишина, нарушаемая лишь классической музыкой. Смоки спит, а Барсик наблюдает за машинами в окно... Бенгальских котиков выпускают из боксов поиграть, так как они по своей породе активнее сородищей. Остальные коты ведут себя тихо, большую часть времени спят. Поэтому соседи по зданию — служащие офисов, никогда не жалуются, наоборот — захотят узнать, кто сегодня заехал.

Уход за кошачьими на столь высоком уровне появился в России два года назад. С того момента сеть гостиниц разрослась по стране, вплоть до Сахалина, где заполняемость выше, чем в Москве. — Анализируя рынок, мы поняли, что в каждой третьей квартире есть кошка. Однако многие при слове «зоогостиница» представляют страшилки из отечественных сериалов 90-х. Какие-то жуткие клетки в заброшенных промзонах или на свалках, — рассказывает основатель сети BookingCat, кандидат ветеринарных наук Маргарита Никитина. — Пожилые люди и сейчас предпочитают отдавать животное соседке, но наши основные клиенты — женщины от 23 до 36 лет. Если хотя бы раз они воспользуются такой услугой, то потом снова придут. Примечательно, что в регионах совершается очень много гостевых визитов, не заканчивающихся бронированием. Как правило, ждут, пока кто-то из знакомых не рискнет попробовать, то есть срабатывает сарафанное радио.

В Москве другая тенденция — тут люди меньше общаются живую, предпочитают соцсети, поэтому охотнее реагируют на стандартную сетевую рекламу.

Догситтер и его обязанности

— Большим спросом пользуется услуга видеонаблюдения. Люди зачастую от-

теми, кто готов взять одного или двух четвероногих.

Такие правила помогают избежать жалоб соседей: одна собака или кошка вряд ли наделают много шума. Если недопонимание с другими жильцами дома все-таки возникло, питомца оперативно передоверят другой зооняне.

Уже полгода я оказываю услуги по передержке, успеха покаживаю за девять собак. Для меня это больше в удовольствие, чем ради денег, — уверяет догситтер Алина.

Вокруг весело прыгает лабрадор Мартин, он будет гостить у нее две недели. Моя собеседница говорит, что стремится заранее встретиться с возможными клиентами, спрашивает ветеринарный паспорт и пытается понять характер четвероногого. Если питомец испортил что-либо в доме у зооняни, хозяин животного платить не должен. Только если вдруг сам того пожелает.

Грызут вещи или промакивают с туалетом обычно щенки, взрослые собаки редко безобразничают. Если догситтер волнуется за свое имущество, мы не рекомендуем отмечать в анкете, что он берет щенков, и советуем убирать все ценное, — уточняет Репников.

Алиса учится на хирурга, ее медицинские познания — существенный плюс для клиентов. Она смогла диагностировать у Мартина дисплазию тазобедренных суставов — он не приседает, а плюхается на пол, — и рекомендовала хозяевам сделать псу МРТ.

Очень важно как можно скорее научиться понимать привычки и повадки животного, повторяет Алиса. Если собака боится громких звуков, то прогуливаясь около стройки, держите поводок крепче, рекомендует догситтер с незаочным медицинским... Хотя и сама честно признает: пока она допускала промашки. Так, однажды «приемная» собака стянула со стола голубец. Пес был активным, и Алиса рисковала погулять с ним дольше оговоренного срока, в чем и призналась хозяевам. Они же написали жалобу в поддержку «Догси»: а как иначе, ведь был нарушен режим питания и прогулок любимой собаки! Путем переговоров конфликта избежать удалось, но, главное, Алиса получила ценнейший урок.

В общем, как видим, никто не застрахован от ошибок. Но чтобы спать более-менее спокойно, лучше всего выбирать зарегистрированные организации, где права вашего любимца будут прописаны на бумаге.

Дмитрий Маликов:

«Моду на ретро никто не отменял»

Денис БОЧАРОВ

29 мая в Московском дворце молодежи состоится музыкальный спектакль Дмитрия Маликова под интригующим названием «Перевернуть игру». О том, что это за игра и каким именно образом ее планируется переворачивать, корреспондент «Культуры» расспросил автора шоу.

культура: Поясните, пожалуйста, смысл названия действия.

Маликов: В нашем случае «перевернуть игру» — это некий рэперский мем. Ведь как оно часто бывает: приходит новое поколение и стремится перевернуть представление современников о культуре и музыке. Я же умышленно взял это название, с тем чтобы, с одной стороны, тема была понятна молодежи, а с другой — желя перевернуть игру в обратном направлении: в сторону классической музыки, знания, просвещения и искусства.

Я уже выступал с этой программой и, по моим скромным наблюдениям, могу сказать, что спектакль получился в известной мере мотивирующим, даже познавательным. Он очень хорош для семейного просмотра: мне кажется, как родители, так и дети получают от концерта удовольствие и уходят если не глобально обогащенные новыми понятиями о прекрасном, то уж точно не опустошенными. А это, на мой взгляд, уже немало, в особенности для подрастающего поколения.

Понятно, что в полной мере переиначить представления не получится: все свое время, каждому плоду — свой сезон. Но если после посещения нашего мероприятия подростки станут смотреть на музыкальную культуру чуть шире, чем они привыкли, — я буду считать свою задачу выполненной. То, что Моцарт, Бетховен, Бах и Рахманинов — это круто, и созданные ими произведения не могут не тронуть, давным-давно понятно и без меня. Просто порой эту музыку нужно подать без наизидания и в определенных обстоятельствах.

культура: А чем бы Вы объяснили бешеную популярность именно рэп-культуры? Что, людям в один прекрасный момент надоели хорошие мелодии, или мы просто разучились их сочинять и слышать?

Маликов: Это тот язык, который понятен современной молодежи. Так же, как во времена моей молодости был популярен рок — «Кино», «Наутилус Помпилиус», «Алиса», вы сами знаете. Да, мелодизма было больше, но все равно их творчество было более подлинно литературной составляющей, культуре слова. Рэп — по сути, то же самое. Другое дело, что сейчас молодому человеку представляется не столь необходимым слышать много сложной музыки, ему куда важнее принимать некие сигналы, которые исходят от ровесников. Причем сигналы эти должны не раздражать, а, напротив, соответствовать его собственным чаяниям и воззрениям. И рэп эту миссию выполняет.

Конечно, все это происходит на фоне всеобщей примитивизации социума. Все стало проще, короче, лаконичнее, и даже привычную песенную форму (вступле-

ФОТО: ЕКАТЕРИНА ЧЕСНОКОВА/РИА-НОВОСТИ

ФОТО: СВЕТИЛАНА БОБОВА/ТАСС

ФОТО: ЕКАТЕРИНА ЧЕСНОКОВА/РИА-НОВОСТИ

ние, куплет, припев, проигрыш) нынешней молодежи воспринимать сложно. Ей нужен один сплошной бит и хэйтрайп, постоянно повторяющаяся последовательность аккордов.

Бороться с этой тенденцией бесполезно, никакие взрослые дяди, будь они хоть семи пядей во лбу, ничего объяснить и доказать не смогут. Можно, повторюсь, лишь попытаться, не претендуя на роль ментора, подкорректировать существующее положение вещей.

культура: Что Вам лично, как человеку с академическим музыкальным образованием, ближе: исполнение классики или популярных эстрадных мелодий?

Маликов: Я всю жизнь был «слугою двух господ». До сих пор, по сути, остаюсь таковым, но все же замечаю: чем старше становлюсь, тем больше меня тянет в сторону камерной, глубокой, прочувствованной музыки. С другой стороны, полностью отдаю себе отчет: максимальное погружение в область классики грозит сужением собственной аудитории. Поэтому стараюсь по мере возможностей балансировать на грани.

культура: То, что Вы — сын основателя одного из наших наиболее выдающихся ВИА («Смоцветы»), стало определяющим при выборе профессии? Музыкант-

ская доля Дмитрия Маликова была predetermined еще до его рождения?

Маликов: Да, меня отправили в музыкальную школу с самых ранних лет. Я этому не сопротивлялся, хотя, конечно же, в отроческие годы была возможность заняться чем-то другим. Но, надо отдать должное моим родителям, они настойчиво и при этом очень мягко направляли меня в сторону того, чтобы я стал профессиональным музыкантом.

культура: Широкой аудитории Вы стали известны в конце 80-х. Ровно тридцать лет назад, в 1989-м, песня «До завтра» звучала на всех школьных дискотеках, последних звонках и выпускных вечерах. Каким Вам запомнилось это неоднозначное время?

Маликов: Оно было действительно таковым — уж для меня точно. Когда одновременно учишься в Консерватории и даешь стадионные поп-концерты, по-другому быть не может. Тогда в обществе был явный запрос на молодежную музыку, и именно его мне, как и нескольким коллегам «по цеху», посчастливилось удовлетворять. В те годы шоу-бизнес в нашей стране только зарождался, не было безумной конкуренции, не существовало мощных теле- и радиоротаций, и поэтому если не все, то многое из того, что мы делали,

автоматически становилось популярным, особенно, как вы верно заметили, среди старшекласников и студентов-первокурсников. Сегодня, оглядываясь назад, сложно говорить об этом периоде без иронии и определенной ностальгии. Но что уж тут поделаешь: каждому времени нужны свои герои — кумиры, поп-идолы, назовите, как хотите (улыбается).

культура: Хорошо, если остановиться на термине «поп-идол» — насколько эстраднему артисту помогает профессиональное образование? А может, оно порой даже мешает?

Маликов: Музыкальное образование — в любом случае важная штука. Уж точно оно не повредит. Но хитрость нашей профессии заключается в том, что здесь ничего просчитать вперед нельзя. Масса людей, не имеющих ни малейшего понятия о том, с какой стороны подойти к нотному стану, добивается очень многого, а иные «образованцы» сидят без дела. Знание сольфеджио и прочих сопутствующих дисциплин ни в коей мере не гарантирует успеха — оно просто расширяет палитру взглядов, увеличивает потенциальные возможности и в конечном итоге помогает жить более гармонично, интересной и полноценной жизнью.

культура: Как бы ни одолевали порой новые имена (согласитесь, количество исполнителей-однодневок растет из года в год просто-таки опасными темпами), тягу к старым, проверенным временем артистам в народе вытравить все равно нельзя. Чем Вы это объясняете?

Маликов: Ключевые слова: «проверенным временем». С одной стороны, старые артисты (пусть они и пользуются на протяжении десятилетий одними и теми же «фишками») куда подвигаться не хотят — просто банально хотят кушать. Но, с другой, — и это куда поважнее будет, — мода на ретро куда не исчезает, «золото» со временем не ржавеет. Прогресс от возрастных музыкантов никто не ждет — у них другая историческая миссия.

культура: То есть Вы согласны с Элвисом, который в свое время не испугался того, что «битлы» задвинут его на задний план, и философски заметил: в шоу-бизнесе найдется место для каждого?

Маликов: Абсолютно. Другое дело, будь ты хоть трижды Элвис, почивать на лаврах нежеле. Постоянное развитие — залог успеха. Если не в артистическом плане, то хотя бы в сугубо личностном отношении.

Талантливых артистов сегодня хватает. Проблема в другом — в достойном материале. А эта история посложнее будет, поскольку включает в себя не только испол-

нение, но и производство. То есть процесс подготовки конечного продукта «от и до». Данный механизм пока еще в нашей стране на разных этапах дает сбой.

культура: Как, например, производство полноценных альбомов. Дело для поп-артиста сегодня благодарное, верно?

Маликов: Именно поэтому считаю куда более целесообразным не выпуск дисков, а написание нескольких песен в год и доведение их до слушателя. Надо отдавать себе отчет в том, что подавляющее большинство композиций проходит мимо аудитории, особенно в наше пресыщенное музыкальной информацией время. И лишь малая толика выбрасываемой на рынок продукции обретает популярность. Мне кажется, в данном случае надо следовать старой доброй мудрости: главное не количество, а качество.

Но и формулу качества (если так вообще можно выразиться) просчитать невозможно. Пути шлагера неисповедимы. Можно написать цепляющую, мгновенно оседающую в памяти мелодию, которая идеально сочетается с текстом, сделать качественный саунд-продюс, промощный видеоряд, но всего этого может быть недостаточно. Фактор везения в музыкальном бизнесе — да что там, вообще в любом деле, — еще никто не отменял.

Есть что ВСПОМНИТЬ

40 ЛЕТ НАЗАД в предпоследнем весеннем номере «Советской культуры» (от 25.05.1979) вышло несколько материалов, свидетельствующих о том, как осуществлялась в «годы застоя» обратная связь. Писем в газету приходило много, и реагировали на них не только сотрудники редакции. Известный детский писатель Сергей Баруздин взялся ответить на «крик души» студентки из Куйбышева. Наталья Ершова оказалась на грани отчаяния оттого, что ее добрые поступки встречаются согражданами с неприязнью: как-то раз увидела лежавшего в кустах пожившего мужчину, задержалась подле него, попросила вызвать скорую, а когда приехали медики, выяснилось, что пациент всего-навсего не трезв, и на девушку посыпались со всех сторон упреки и злые насмешки; или приютила во дворе общежития попавшую под колеса машины собаку и вновь получила на свою голову массу проблем...

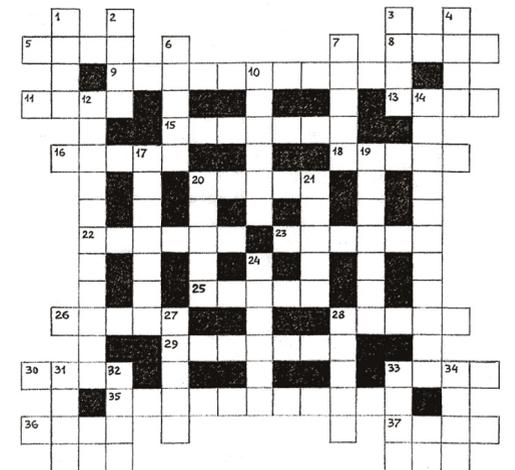
Наталья обратилась с вопросами, смысл которых сводится к хрестоматийному: «Что делать?» В ответ Баруздин написал большую душевную статью, где, в сущности, рекомендовал смотреть в будущее с оптимизмом.

Интервью с едва ли не самым популярным на тот момент актером Андреем Мироновым тоже стало своеобразным откликом на письма и телеграммы читателей в адрес артиста. Причем очень часто приходила такая корреспонденция именно в «Советскую культуру». Андрей Александрович выразил признательность за внимание, поделился творческими планами, попытался опровергнуть стереотип, согласно которому он — «баловень судьбы», с упоением танцующий на палубе под восторженный хохот публики.

У 38-летнего Миронова, если судить по этой беседе, появились тогда иные приоритеты: «Мне же хочется, чтобы люди размышляли, страдали, негодовали и любили вместе со мной, когда я играю Чацкого, Дон Жуана, Фарятева или Ленно Шиндина в спектакле «Мы, нижеподписавшиеся».

Сегодня, в 2019-м, пожалуй, актуальнее всего концовка того интервью: «Театр существует тысячелетия и будет существовать, хочет этого кто-то или нет. И мы, актеры, всегда будем гордиться своей к нему принадлежностью».

Сергей ГРОМОВ

По горизонтали: 5. Русский зодчий, автор храма Григория Неокесарийского в Москве. 8. Французский живописец, один из крупнейших художников-анималистов XVIII в. 9. Ведущий концертной программы. 11. Советский драматург и сценарист («Хорошее отношение к лошадям», «Где-то в Москве»). 13. Определенный промежуток времени. 15. Шедвр вологодской мастерции. 16. Мелкие жулики и хулиганы. 18. Советские легкоатлетки, сестры, чемпионки Олимпийских игр. 20. Пьеса Е. Замятина по мотивам повести Н. Лескова. 22. Кличка любимой собаки Александра II. 23. Легендарный правитель гуннов. 25. Экранизированный роман А. Калинина. 26. Филиппинский хирург-знахарь. 28. Героиня повести «Очарованный странник» Н. Лескова. 29. Фильм С. Поттер по роману В. Вулф. 30. Название крестной матери по отношению к родителям крестника и к крестному отцу. 33. Курс судна по ветру. 35. Прима-балерина Большого театра, народная артистка СССР. 36. Эскипривка рыцаря. 37. Фильм Н. Тягунова с И. Охлобыстиным в главной роли.

По вертикали: 1. Героиня Л. Ивановой в фильме «Служебный роман». 2. Средство связи. 3. Берестяной короб. 4. Деревянный хомут для рабочего быка. 6. Поморско-новгородское парусное судно. 7. Пряность — «синий зверобой». 10. Российский киноактер («Лухарь», «Отпуск»). 12. Направление в искусстве, основанное К. Малевичем. 14. Дачная кровать для незваного гостя. 17. Фривольный наряд для будуара. 19. Человек застойных взглядов. 20. Мастер бросков и захватов. 21. Английский балетмейстер, один из ведущих западноевропейских хореографов. 24. Небольшой забор. 27. Слово, соединяющее всех близких. 28. Нидерландский художник-пейзажист. 31. Вытянутый холм или косогор. 32. Немецкий кинорежиссер турецкого происхождения («Солнце Ацтеков», «Головой о стену»). 33. Швейцарский актер («Небо над Берлином», «Бункер»). 34. Музыкальный знак — нотная дуга.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 17

По горизонтали: 1. Петерс. 4. Шулков. 8. Строй. 12. Винель. 13. Камбурова. 14. Касса. 16. Чирок. 18. Брезе. 19. Алина. 21. Труба. 23. «Братья». 24. Колман. 26. Тиски. 28. Энона. 30. Сегор. 32. Аттик. 35. Петри. 37. Акутагава. 38. Купер. 39. Велде. 40. Визави. 41. Гяуров.

По вертикали: 1. Пасека. 2. Торос. 3. Рейка. 5. Ковач. 6. Линар. 7. Вейлка. 9. Амеба. 10. Сутеев. 11. «Совет». 15. «Соперники». 17. «Избранные». 20. Нытик. 22. Ролан. 25. Догат. 27. Испуг. 28. Эрзац. 29. Барков. 31. Киреев. 33. Топаз. 34. Карев. 35. Павия. 36. Талер.

В следующем номере:

ФОТО: ЕКАТЕРИНА ЛИБЕТОВА

На грим вызывается... «Культура» раскрывает секреты самой загадочной театральной профессии

ФОТО: ЕКАТЕРИНА ЛИБЕТОВА